

РЕДАКТОРИ ПЕРЕВОДЧИК
ЛЮ ЦЫСИНЯ

Кен Лю

ПОТАЕННАЯ
ДЕВУШКА

ПРЕМИЯ LOCUS

fanzon

Fanzon. Sci-Fi Universe. Лучшая новая НФ

Кен Лю

Потаенная девушка

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

Лю К.

Потаенная девушка / К. Лю — «Эксмо», 2020 — (Fanzon. Sci-Fi Universe. Лучшая новая НФ)

ISBN 978-5-04-174773-2

Премия Locus за лучший сборник рассказов года. Финалист премии Goodreads. Повести и рассказы номинировались на премии Locus, Ignotus, Grand Prix de l'Imaginaire, награды журналов Interzone и Bifrost. Сборник новелл Кена Лю – редактора и переводчика, открывшего миру Лю Цысиня. Твердая научная фантастика, футуризм, посткиберпанк и азиатское фэнтези в аниме-стиле. Лю – один из создателей сериала «Любовь, смерть и роботы». Рассказы об убийцах, путешествующих во времени, повести в стиле сериала «Черное зеркало» о влиянии криптовалют и интернет-троллинге, новеллы о искусственных интеллектах в облаках глобальной компьютерной сети, душераздирающие истории отношений между родителями и детьми. Кен Лю исследует актуальные темы настоящего человечества и с тревогой смотрит в его будущее. «Рассказы проникают глубоко в мозг, обнажая полную боли истину, срезая слой за слоем, чтобы найти песчинку в сердце жемчужины». – NPR «Откройте одну из звезд научной фантастики». – ЧАРЛИ ДЖЕЙН АНДЕРС «Блестяще. Самая важная фигура в фантастике за прошедшее десятилетие». – THE CHICAGO TRIBUNE «Необыкновенно. Лю исследует место, где обычное сталкивается с экстраординарным». – THE WASHINGTON POST «Захватывающе. Коллекция чудес и магических реальностей». – BuzzFeed «Когда я читал рассказы Кена Лю, то чувствовал, что он единственный талант своего поколения». – ДЖЕЙМИ ФОРД «Поражает прямо в сердце». – KIRKUS REVIEWS «На своем пути по книге вы словно попадаете в космическую бутылку Клейна». – WIRED «Самые запоминающиеся творения Кена Лю за всю литературную карьеру». – AV Club

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-174773-2

© Лю К., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

Предисловие	7
Призрачные дни	8
Демон Максвелла	24
Перерожденный	37
Мысли и молитвы	55
Византийское сострадание	67
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Кен Лю

Потаенная девушка

Посвящается моей бабушке Сяоцань, которая научила меня рассказывать истории.

А также Лизе, Эстер и Миранде, показавшим мне, почему истории так важны.

Ken Liu
THE HIDDEN GIRL AND OTHER STORIES
Copyright © 2020 by Ken Liu

© С. Саксин, перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Предисловие

В самом сердце художественной литературы заключен парадокс, по крайней мере, так показывает мой опыт: в то время как средством литературы является язык, чья основная функция – общение, я могу писать удовлетворительные произведения, лишь полностью исключая эту функцию.

Объясню. Как автор я создаю из слов некое произведение, однако слова лишены смысла до тех пор, пока их не оживляет сознание читателя. Каждое повествование ведется автором и читателем совместно, и оно остается неполным до тех пор, пока не появляется читатель и не *интерпретирует* написанное.

Каждый читатель подходит к тексту со своим собственным восприятием, представлениями о реальности, приобретенными ранее познаниями относительно того, каков наш мир и каким он быть должен. Все это постигается через опыт, хотя у каждого конкретного человека своя собственная история встреч с неумолимой реальностью. Именно благодаря этим боевым шрамам оценивается достоверность сюжета; глубина персонажей измеряется по шкале воспоминаний о реальных событиях; правдоподобность каждого повествования сопоставляется со страхами и надеждами, живущими в сердце.

Хорошее повествование не может быть похоже на строгий юридический документ, проводящий читателя по узкому мостику, переброшенному через пропасть бессмысленного. Скорее оно должно быть безлюдным домом, голым садом, пустынным берегом океана. Читатель приходит со своим тяжелым багажом, бережно лелеемыми личными вещами, семенами сомнения и мировоззрением, схемами человеческой природы и корзинами веры, поддерживающей его силы. Он поселяется в повествовании, исследует все укромные закутки, переставляет мебель в соответствии со своими вкусами, покрывает стены набросками своей внутренней жизни и тем самым превращает его в свой дом.

Как автор я нахожу попытку построить дом, который удовлетворил бы любого воображаемого будущего обитателя, сковывающей, ограничивающей, парализующей. Гораздо лучше построить здание, в котором *я сам* буду чувствовать себя дома, умиротворенный балансом между реальностью и искусственностью языка.

Однако опыт показал, что именно тогда, когда я наименее настроен на *общение*, результат максимально открыт для интерпретации; именно тогда, когда меня наименее заботит удобство моих читателей, они с наибольшей вероятностью сделают мое повествование своим домом. Лишь сосредоточившись исключительно на частном, я получаю возможность достичь общего.

Таким образом, отбирать рассказы для этого сборника было во многом проще, чем отбирать рассказы для моего дебюта «Бумажный зверинец и другие рассказы»: исчезло давление от попытки «преподнести товар лицом». Вместо того чтобы ломать голову над тем, из каких рассказов получится «лучший» сборник для воображаемого читателя, я решил остановиться на тех рассказах, которые больше всего нравятся мне самому. В этом неоценимую помощь мне оказал мой редактор Джо Монти, которому удалось сплести разрозненные сюжеты в единое повествование, чего не смог разглядеть я сам.

Надеюсь, каждый из вас найдет в этом сборнике рассказ, в котором почувствует себя как дома.

Призрачные дни

3

НОВАЯ ПАСИФИКА, 2313 ГОД

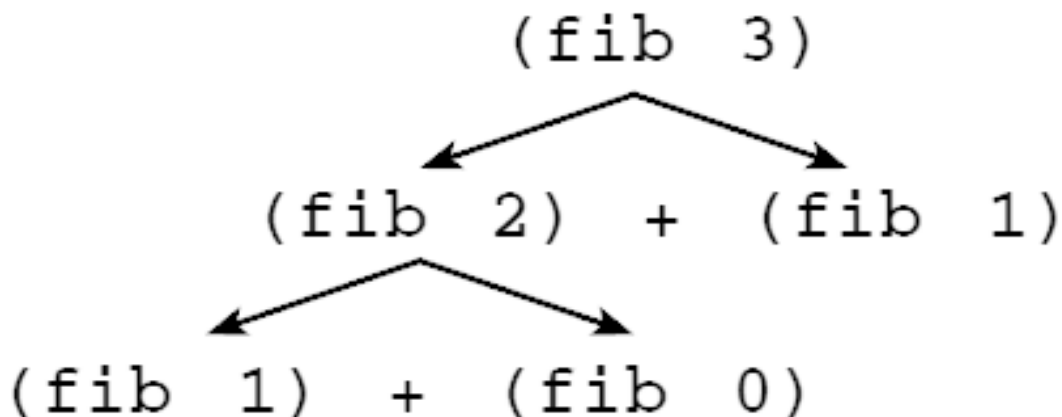
Мисс Корон указала на доску-экран, на которую вывела отрывок кода.

```
(define (fib n)
  (if (< n 2)
      1
      (+ (fib (- n 1)) (fib (- n 2))))))
```

– Давайте составим дерево вызовов этой классической функции на языке «Лисп», рекурсивно вычисляющей n -й член последовательности Фибоначчи.

Оуна внимательно смотрела на Учительницу, отвернувшуюся к доске. Мисс Корон была без шлема. Ее платье оставляло открытыми руки и ноги, что, как она объясняла детям, было «красивым» и «естественным». Умом Оуна понимала, что ледяной воздух в классе, от которого у нее самой и у остальных детей даже при непродолжительном пребывании без защитного облачения случилось бы переохлаждение, идеально подходит для Учителей, и все же от этого зрелища она непроизвольно поежилась. От прикосновения к внутренней стороне герметичного термокостюма ее чешуя зашуршала, и этот шорох громкими отголосками отозвался в шлеме.

– Рекурсивная функция работает подобно вложенным друг в друга матрешкам, – продолжала мисс Корон. – Для того чтобы решить общую задачу, рекурсивная функция вызывает сама себя, решая частный вариант той же самой задачи.

Оуна пожалела о том, что не сможет вызвать частную версию самой себя, чтобы решить свои проблемы. Она мысленно представила, что у нее внутри есть «Оуна послушная», которой доставляет радость написание алгоритмов на классических языках программирования и изучение поэзии на архаичном английском языке. Это позволило бы ей освободиться от нуд-

ных занятий и полностью сосредоточиться на таинственной цивилизации Новой Пасифики, на давным-давно исчезнувших коренных обитателях планеты.

– Но какой смысл изучать мертвые языки программирования? – спросила вслух Оуна.

Все дети в классе разом обернулись к ней, и золотистый блеск чешуи у них на лицах ослепил ее даже сквозь два слоя стекла – в шлемах у них и в шлеме самой Оуны.

Оуна мысленно поругала себя. По-видимому, вместо «Оуны послушной» она почему-то вызвала «Оуну-бунтарку», из-за которой постоянно попадала в неприятности.

Оуна обратила внимание на то, что сегодня на обнаженном лице мисс Корон особенно яркая косметика, однако губы Учительницы, накрашенные ярко-красной помадой, практически исчезли, превратившись в тонкую линию, когда она постаралась сохранить улыбку.

– Мы изучаем классические языки программирования для того, чтобы понять образ мышления наших далеких предков, – сказала мисс Корон. – Вы должны знать, откуда вы.

Она произнесла «вы» так, чтобы показать, что она имела в виду не одну только Оуну, а всех детей колонии Новая Пасифика. Покрытая чешуей кожа, переносящие высокие температуры внутренние органы и кровеносные сосуды, шестидольные легкие – все это было позаимствовано у местной фауны. Внедренная в организмы детей чуждая биохимия позволяла им дышать за пределами Купола, жить на этой горячей ядовитой планете.

Оуна понимала, что ей нужно замолчать, но, подобно тому как рекурсивные функции на блок-схеме мисс Корон должны были возвращаться в точку вызова, она не могла удержать «Оуну-бунтарку».

– Я знаю, откуда я: я была рассчитана компьютером и выращена в пробирке, после чего росла в стеклянном питомнике, куда закачивался воздух снаружи.

– О, Оуна, я... Я имела в виду совсем другое. – Голос мисс Корон смягчился. – Новая Пасифика находится слишком далеко от наших родных миров, и за нами не пришлют спасательный корабль, потому что никому и в голову не придет, что мы выжили в «червоточине» и теперь застряли здесь, в противоположном конце галактики. Вы никогда не увидите прекрасные парящие острова Тай-Винн и восхитительные эстакады Пеле, изящные города-деревья Поллена и кишачие жилые соты Тирона: вы полностью отрезаны от своего прошлого, от остального человечества.

Выслушав – в миллионный раз – эти туманные легенды о чудесах, которых она оказалась лишена, Оуна почувствовала, как у нее на спине чешуя встала дыбом. Она терпеть не могла подобную снисходительность.

Но мисс Корон продолжала:

– Однако когда вы овладеете «Лиспом» в достаточной степени, чтобы читать исходные тексты программ первых автоматических разработчиков на Земле, когда вы изучите архаичный английский и сможете понимать Декларацию о новой судьбе, когда вы познакомитесь с культурой и обычаями и насладитесь всеми хранящимися в Библиотеке голограммами и симуляторами, *тогда* вы в полной степени поймете блистательность и величие наших предков, нашей расы.

– Но мы не *люди*! Вы создали нас по образу и подобию растений и животных, живущих *здесь*. Мы больше похожи на вымерших коренных обитателей Новой Пасифики, чем на вас!

Мисс Корон молча смерила Оуну взглядом, и та поняла, что попала в точку. В этой правде мисс Корон не желала признаваться даже самой себе. В глазах Учительницы эти дети никогда не будут в полной мере хорошими, никогда не будут настоящими *людьми*, хотя именно они и олицетворяли будущее человечества на этой негостеприимной планете.

Шумно вздохнув, мисс Корон продолжала, как будто ничего не произошло:

– Сегодня День памяти, и я не сомневаюсь, что вы порадуете Учителей своими презентациями. Но давайте сначала закончим наш урок. Для того чтобы вычислить n -й элемент, рекурсивная функция вызывает себя и вычисляет $(n-1)$ – й и $(n-2)$ – й элементы, чтобы сложить их

друг с другом, каждый раз возвращаясь все дальше назад, решая предыдущие варианты той же самой задачи... Таким образом, прошлое, – закончила мисс Корон, – шаг за шагом накапливаясь через рекурсии, становится будущим.

Прозвенел звонок, и урок наконец закончился.

* * *

Даже несмотря на то что времени на еду в этом случае оставалось меньше, Оуна и ее друзья никогда не ленились проделать долгий путь пешком, чтобы пообедать за пределами Купола. Есть внутри означало бы выдавливать из тубиков пасту через специальные клапаны в шлеме или возвращаться в вызывающие чувство клаустрофобии резервуары в дортуаре.

– Что собираешься делать? – спросил Джейсон, откусывая кусок похожего на пчелиные соты плода, смертельно ядовитого для Учителей, однако все дети его просто обожали. – Джейсон обклеил свой термокостюм белыми керамическими плитками, чтобы сделать его похожим на старинный скафандр со старых картинок. Рядом с ним стоял флаг – звездно-полосатое полотнище Американской империи (или Американской республики?) – его артефакт. Вечером на собрании по случаю Дня памяти Джейсон собирался рассказать про Нила Армстронга, первого человека, побывавшего на Луне. – Костюма ведь у тебя нет.

– Не знаю, – сказала Оуна, стаскивая с головы шлем и снимая термокостюм. Она полной грудью вдохнула горячий свежий воздух, свободный от удушливого химического запаха фильтров системы рециркуляции. – И мне все равно.

Каждый, кому предстояло выступить с презентацией на собрании, должен был быть в костюме. Две недели назад Оуне выдали артефакт: маленькую плоскую металлическую пластинку с грубой поверхностью размером с ладонь, имеющую форму детской лопатки. Она была темно-зеленого цвета, с короткой толстой рукояткой и двусторонним лезвием, тяжелее, чем можно было бы предположить по внешнему виду. Это была семейная реликвия, принадлежащая мисс Корон.

– Но эти артефакты и рассказы имеют для Учителей такое большое значение, – сказала Тэлия. – Они будут крайне недовольны, если ты не проведешь исследования.

Тэлия приклеила свой артефакт (белую фату) на шлем и надела поверх термокостюма кружевное белое платье, чтобы можно было разыграть классическую свадьбу вместе с Далем, покрасившим свой термокостюм в черный цвет в подражание женихам, которых он видел на старых голограммах.

– Кто может поручиться, что все эти рассказы правда? Мы ведь никогда не сможем туда попасть.

Оуна положила лопатку на стол, чтобы та впитывала тепло солнца. Она представила себе, как мисс Корон протягивает руку к лопатке (бесценной реликвии из мира, который больше никогда не увидит) и вскрикивает, прикоснувшись к горячему металлу.

«Вы должны знать, откуда вы».

Сама Оуна предпочла бы использовать эту лопатку, чтобы раскопать прошлое Новой Пасифики, *ее* планеты, где она была *дама*. Ей хотелось узнать историю аборигенов гораздо больше, чем знакомиться с прошлым Учителей.

– Они цепляются за свое прошлое, словно мерзкий клейкий лишай! – воскликнула Оуна, давая выход вскипающей в груди злости. – И тем самым внушают нам, что мы плохие, неполноценные, что мы никогда не станем такими, как они. Но сами они не выживут здесь и часа!

Схватив лопатку, она с силой зашвырнула ее в лес из белодревов.

Джейсон и Тэлия промолчали. После нескольких неловких мгновений они встали.

– Нам нужно готовиться к собранию, – пробормотал Джейсон.

И они направились обратно в Купол.

Какое-то время Оуна сидела одна, рассеянно считая пролетающие над головой крылатые челноки. Вздохнув, она встала и пошла в лес искать лопатку.

Если честно, в такие теплые, погожие осенние дни Оуне больше всего хотелось находиться на улице без термокостюма и шлема, бродить по зарослям белодревов среди шестиугольных стволов, уходящих в небо, под колышущимся зеркальным пологом серебристо-белых шестиконечных листьев, слушая их загадочный шепот и смех.

Она смотрела на танцующих в воздухе мошек – они бешено молотили своими шестью прозрачными ярко-голубыми крылышками, выписывая в воздухе узоры, которые, она была уверена, представляют собой своеобразный язык общения. Купол был построен на месте древнего города аборигенов: и тут и там среди зарослей возвышались курганы – груды угловатых обломков, оставленных загадочными коренными обитателями этой планеты, полностью вымершими за тысячелетия до прибытия корабля с колонистами, пустынные развалины, наполненные призрачной тишиной.

«Не очень-то они и старались», – подумала Оуна. Учителя никогда не проявляли особого интереса к аборигенам, поглощенные лишь тем, чтобы вбить детям в голову всякий мусор о старой Земле.

Оуна ощущала лицом и телом солнечное тепло, ее белая чешуя переливалась в ярких лучах всеми цветами радуги. Полуденное солнце было таким жарким, что там, где тень от белодревов не прикрывала землю, закипала вода и лес был наполнен струйками белого пара. Хотя Оуна не могла забросить лопатку далеко, отыскать ее в густых зарослях было непросто. Оуна продвигалась медленно, внимательно изучая каждый торчащий из земли корень и каждый перевернутый камень, каждую грудку древних обломков. Ей хотелось надеяться, что лопатка не сломалась.

Ну вот, наконец!

Она поспешила к лопатке, которая лежала на грудке обломков, устроившись среди метелок травы, смягчившей ее падение. Под ней скопилось облачко пара, в котором она словно бы плавала. Оуна наклонилась к ней.

Пар обладал запахом, с которым Оуна еще никогда не сталкивалась. Под его воздействием зеленый налет, покрывавший лопатку, частично растаял, обнажив блестящий золотистый металл. До Оуны внезапно дошло, какой же древний этот предмет, и она, смутно вспомнив рассказы про религию на уроках культуры и обычаев, подумала, не является ли лопатка какой-нибудь ритуальной утварью.

Впервые она задумалась, могли ли предположить предыдущие владельцы лопатки, что она однажды окажется за миллиард миллиардов миль от дома, на древнем чужеродном кургане, в руках девочки, имеющей мало общего с человеческой расой.

Завороженная запахом, Оуна потянулась за лопаткой, сделала глубокий вдох и потеряла сознание.

2

ИСТ-НОРБЕРИ, ШТАТ КОННЕКТИКУТ, 1989 ГОД

На карнавал по случаю Дня всех святых Фред Хо решил нарядиться Рональдом Рейганом¹.

В первую очередь потому, что маска продавалась в магазине распродаж. Также можно было надеть отцовский костюм, который тот надевал всего раз, в день открытия ресторана. Для родителей Фреда потрясением стало уже то, что он шел на карнавал.

¹ Рейган, Рональд (1911–2004) – 40-й президент США в 1981–1989 годах (прим. пер.).

Еще в брюках были глубокие карманы, куда можно было спрятать подарок. Тяжелый и угловатый, древний сувенир в форме лопатки согревался сквозь тонкую ткань теплом его бедра. Фред надеялся, что Кэрри использует его как пресс-папье, повесит в качестве украшения на стену или даже, воспользовавшись отверстием в рукоятке, превратит в курительницу благовоний (от нее частенько пахло сандаловым деревом и пачули).

Заехав за Фредом к нему домой, Кэрри помахала рукой его родителям, которые стояли в дверях, сбитые с толку и настороженные, и не махали в ответ.

– Выглядишь ты классно, – сказала Кэрри. Ее маска лежала на приборной панели.

Фред испытал облегчение от того, что она одобрила его наряд. И не просто одобрила. Сама Кэрри нарядилась Нэнси Рейган.

Фред рассмеялся, стараясь придумать какое-нибудь подходящее замечание. Но когда он наконец остановился на «Ты выглядишь прекрасно», они проехали целый квартал, и было слишком поздно. Поэтому Фред просто сказал:

– Спасибо за то, что пригласила меня на карнавал.

Снаружи школа была украшена оранжевыми вымпелами, пластмассовыми летучими мышами и бумажными тыквами. Фред и Кэрри надели маски и вошли внутрь. Они танцевали (ну, вообще-то, танцевала Кэрри, Фред по большей части лишь старался ей подражать).

Хотя двигался он по-прежнему стесненно и неуклюже, маска помогала не переживать по поводу самого главного навыка для выживания в американской школе – умения быть таким, как все.

Скоро лица у них начали потеть под резиновыми масками. Кэрри пила один стаканчик приторно-сладкого пунша за другим, однако Фред, решивший не снимать маску, лишь качал головой. Но когда началась песня «Я буду всегда тебя любить», они уже были готовы покинуть погруженный в темноту спортивный зал.

Снаружи стоянка была заполнена привидениями, Суперменами, инопланетянами, ведьмами и принцессами. Все приветливо махали «президентской чете», и та махала в ответ. Фред упорно не снимал маску. Он умышленно шел медленно, наслаждаясь вечерней прохладой.

– Эх, если бы День всех святых был каждый день! – сказал Фред.

– Зачем? – удивилась Кэрри.

«Никто меня не узнаёт, – захотелось сказать ему. – Никто на меня не пялится». Но вместо этого он сказал:

– Мне нравится быть в маскарадном костюме.

Фред произнес это медленно и старательно, и ему показалось, что он не услышал в своем голосе акцента.

Кэрри кивнула, как будто поняла его. Они сели в машину.

До появления Фреда в средней школе Ист-Норбери еще никогда не было ученика, для которого английский язык не был родным и который мог оказаться нелегальным иммигрантом. По большей части к нему относились дружелюбно, однако тысячи улыбок, перешептываний и жестов, самих по себе вроде бы безобидных, постоянно напоминали: «ты здесь чужой».

– Ты волнуешься по поводу встречи с моими родителями? – спросила Кэрри.

– Нет, – соврал Фред.

– Маме просто не терпится с тобой познакомиться.

Они подъехали к белому ранчо, перед которым раскинулся безукоризненно подстриженный газон. На почтовом ящике у входа было написано «Уайенн».

– Это твой дом, – сказал Фред.

– А ты, оказывается, умеешь читать! – пошутила Кэрри, выходя из машины.

Направляясь к дому, Фред чувствовал в воздухе запах моря и слышал шум волн, набегających на берег. На крыльце стоял фонарь из тыквы.

«Сказочный домик, – подумал Фред. – Американский замок».

* * *

– Я могу чем-нибудь помочь? – спросил Фред, стоя в дверях кухни.

Миссис Уайенн («Зовите меня Кэмми») сновала между столом, используемым как место для нарезки-перемешивания-раскладывания, и плитой. Одарив Фреда мимолетной улыбкой, она снова принялась за работу.

– Не утруждай себя. Иди лучше поболтай с моим мужем и Кэрри.

– Я правда могу помочь, – настаивал Фред. – Я разбираюсь в готовке. У моих родителей ресторан.

– О, знаю. По словам Кэрри, свинина му-шу² там просто объедение. – Оторвавшись от работы, миссис Уайенн обернулась, и ее улыбка стала еще шире. – А ты хорошо говоришь по-английски!

Фред никак не мог взять в толк, почему все считают таким важным упомянуть об этом. В голосах людей звучало удивление, и он не знал, что отвечать.

– Спасибо.

– Правда, *очень* хорошо. Ну а теперь ступай. Я сама управлюсь.

Фред вернулся в гостиную, жалея о том, что нельзя было остаться в таком привычном тепле кухни.

* * *

– Это просто ужасно, – сказал мистер Уайенн. – Какие они храбрые, эти студенты с площади Тяньаньмэнь³. Настоящие герои!

Фред молча кивнул.

– А твои родители, – продолжал мистер Уайенн, – тоже были диссидентами?

Фред замялся. Он вспомнил, как его отец читал китайскую газету с фотографиями многочисленных протестов в Пекине, которую бесплатно раздавали в китайском квартале в Бостоне.

– *Глупые юнцы!* – воскликнул он, красный от возмущения. – *Родители потратили на них столько денег, а они позируют перед фотографирующими их иностранцами, вместо того чтобы учиться! Чего они хотят добиться? Избалованные, начитались американских книг!* – Затем отец повернулся к Фреду и погрозил ему кулаком. – *Если ты только посмеешь выкинуть подобный фортель, я хорошенько тебя отлуплю, чтобы впредь думал головой, а не задницей!*

– Да, – наконец сказал Фред. – Вот почему мы перебрались сюда.

Мистер Уайенн удовлетворенно кивнул.

– Америка – замечательная страна, правда?

Если честно, Фред так и не мог взять в толк, почему однажды родители разбудили его среди ночи; почему они плыли на лодке, ехали на машине, затем на автобусе, потом поднялись на большой корабль; почему на протяжении многих дней они сидели в темном трюме, где его постоянно тошнило от качки; почему после высадки на берег они прятались в кузове грузовика, до тех пор пока не оказались в грязных трущобах китайского квартала Нью-Йорка, где какие-то люди разговаривали с его отцом угрожающим тоном, а тот лишь молча кивал; почему отец

² *Свинина му-шу* – блюдо китайской кухни из нарезанной свиной вырезки, огурца и яиц, обжаренных в кунжуте или арахисовом масле вместе с небольшими кусочками грибов (прим. пер.).

³ *Тяньаньмэнь* – площадь в центре Пекина. С 15 апреля по 4 июня 1989 года на площади проходили акции протеста, главными участниками которых были студенты. Ранним утром 4 июня, по решению политического руководства страны, выступления были подавлены армией с применением огнестрельного оружия и бронетехники. Оценки числа погибших варьируются от нескольких сотен до нескольких десятков тысяч и тысяч раненых (прим. пер.).

однажды объявил, что они теперь другие люди и у них другие имена и ни в коем случае нельзя вступать в разговоры с иностранцами и полицией; почему несколько лет они жили в подвале ресторана, в котором работали, и бесконечно обсуждали, как заработать достаточно денег и расплатиться с суровыми людьми; как они, наконец, переехали в Ист-Норбери, этот городок на побережье Новой Англии, где, как сказал отец, нет китайских ресторанов, а американцы слишком глупы, чтобы понять, что повар из него никакой.

– Да, сэр, замечательная, – вслух произнес Фред.

– И ты держишь в руках лицо великого человека, – сказал мистер Уайенн, указывая на маску Рейгана у него в руках. – Истинный борец за свободу.

После той недели в июне отец каждый вечер подолгу о чем-то разговаривал вполголоса по телефону. И вдруг он объявил Фреду и его матери, что им нужно выдумать новую «легенду» про то, что они якобы были связаны со студентами, погибшими на площади Тяньаньмэнь, разделяли те же самые идеалы и были безнадежно влюблены в «демократию». В разговорах все чаще стало упоминаться выражение «политическое убежище», и все готовились к беседе с иммиграционными чиновниками в Нью-Йорке, чтобы наконец узаконить свое пребывание в Америке.

– *Тогда мы сможем остаться здесь и заработать кучу денег, – удовлетворенно заявил отец.*

Раздался звонок в дверь. Кэрри встала и взяла вазочку с конфетами.

– Кэрри просто обожает приключения, – сказал мистер Уайенн. Он понизил голос. – Вечно пробует что-нибудь новенькое. В ее возрасте бунтарский дух – это естественно.

Фред кивнул, не зная, как понимать эти слова.

Лицо мистера Уайенна потеряло свое дружелюбное выражение, словно с него спала маска.

– Пойми, у нее сейчас такой период. И ты – лишь часть... – он неопределенно махнул рукой, – часть того, чем Кэрри пытается воздействовать на меня. Все это несерьезно, – добавил он. Однако тон его был абсолютно серьезным.

Фред ничего не сказал.

– Я просто хочу, чтобы не было никакого недопонимания, – продолжал мистер Уайенн. – Людям свойственно общаться в своем кругу; надеюсь, ты согласишься.

В прихожей Кэрри ахнула, притворяясь, будто ее напугали гости, затем громко выразила восхищение их маскарадными костюмами⁴.

– Не пойми превратно то, как Кэрри к тебе относится.

Кэрри вернулась в гостиную.

– Почему такая тишина? – спросила она. – О чем это вы тут сплетничали?

– Я просто попросил Фреда рассказать про свою семью, – сказал мистер Уайенн, и его лицо снова стало приветливым и улыбающимся. – Ты знаешь, что они были диссидентами? Очень мужественные люди.

Поднявшись на ноги, Фред сунул руку в карман и стиснул маленькую бронзовую лопатку. В эту минуту ему очень захотелось швырнуть ее в лицо мистеру Уайенну, почему-то очень напомнившее лицо его собственного отца.

Однако вместо этого он сказал:

– Извините, я не догадывался, что уже так поздно. Мне пора идти.

⁴ В Европе, и в особенности в Северной Америке, принято на День всех святых наряжаться в маскарадные костюмы, ходить от дома к дому, пугая хозяев, и выпрашивать у них сладости (*прим. пер.*).

1

ГОНКОНГ, 1905 ГОД

– Цзючжун! – снова громко окликнул Уильяма отец. Он не сдерживал свой голос, в отличие от соседки, которая пыталась успокоить ребенка, страдающего коликами.

«Ну почему в Гонконге все кричат? На дворе двадцатый век, а все ведут себя так, будто по-прежнему живут в деревне».

– Меня зовут *Уильям*, – пробормотал он вполголоса. Несмотря на то что отец оплатил его дорогостоящее обучение в Англии, старик по-прежнему упорно отказывался называть сына его английским именем, которое тот носил уже больше десяти лет.

Уильям постарался сосредоточиться на лежащей перед ним книге – мистическом христианском трактате четырнадцатого века.

«Ибо ты вверг меня своим вопросом во мрак, в то самое облако неведения, в котором пребываешь сам».

– Цзючжун!

Уильям заткнул уши пальцами.

«Да будет ниспослана человеку милость познать все прочие существа и их творения, да и творения самого Господа, и он может в полной мере мыслить о них; но о самом Боге не смеет думать никто».

Эту книгу, «Облако неведения», Уильяму подарила на прощание перед отъездом Вирджиния – и ее, как, несомненно, одно из лучших творений Господа, Уильяму до боли хотелось «познать».

– Ты собираешься возвращаться на загадочный Восток, – сказала Вирджиния, вручая ему книгу. – Так пусть же тебя направляют мистики Запада!

– Гонконг не такой, – возразил Уильям, огорченный тем, что она считает его *обыкновенным* китайцем... Хотя в каком-то смысле именно им он и был. – Это часть Британской империи. Цивилизованный город. – Уильям взял у нее книгу, почти прикоснувшись к ее пальцам, но все-таки не прикоснувшись. – Я вернусь через год.

Вирджиния вознаградила его открытой сияющей улыбкой, которая больше всех отличных оценок и похвал учителей позволила ему почувствовать себя настоящим англичанином.

«И на сем я оставляю все то, о чем могу думать, и буду любить то, о чем думать не могу. Ибо хотя Его можно любить, о Нем нельзя думать. Познать и обрести Его позволено через любовь, но только не думать о Нем».

– Цзючжун! Что с тобой?

Отец Уильяма стоял в дверях, лицо его покраснело от усилий, потребовавшихся для того, чтобы подняться по крутой лестнице в каморку на чердаке.

Уильям вынул пальцы из ушей.

– Ты должен помочь мне с приготовлениями к «Юй ланю».

После сладкозвучной музыки средневекового английского кантонский диалект отца резал Уильяму слух подобно грохоту гонгов и барабанов «цзют кек», китайской «народной оперы», недостойной этого благородного названия, бледной тени настоящей оперы, которую он слушал в Лондоне.

– Я занят, – пробормотал Уильям.

Отец перевел взгляд с его лица на книгу у него в руках и обратно.

– Это очень важная книга, – сказал Уильям, старательно избегая смотреть отцу в глаза.

– Сегодня ночью состоится торжественное шествие призраков, – сказал отец, переминаясь с ноги на ногу. – Позаботимся о том, чтобы душам наших предков не было стыдно, и еще можно попробовать утешить бездомных призраков.

Перейти от изучения Дарвина, Ньютона и Адама Смита⁵ вот к *этому*, к *ублажению призраков*! В Англии люди стремятся познать законы природы, расширить границы науки, но здесь, под кровом отцовского дома, по-прежнему царит Средневековье. Уильям мысленно представил себе снисходительную усмешку на лице Вирджинии.

У него нет ничего общего с родным отцом, человеком абсолютно чуждым, инопланетянином, по сути дела.

– Я не прошу, – сказал отец, и голос его стал жестким, словно у актера китайской оперы, завершающего сцену.

«Здравый рассудок задыхается в насыщенной предрассудками атмосфере колоний». Никогда еще решимость вернуться в Англию не была у Уильяма такой сильной.

* * *

– Зачем дедушке это понадобится? – спросил Уильям, критически оглядывая бумажную модель безлошадного экипажа «Аррол-Джонстон» с трехцилиндровым двигателем.

– Все ценят вещи, которые делают жизнь удобнее, – назидательно заметил его отец.

Покачивая головой, Уильям тем не менее продолжал приклеивать к модели фары, сделанные из желтой бумаги (имитация бронзы).

Стол был завален другими подношениями, которые предстояло сжечь этой ночью: бумажная модель коттеджа в западном стиле, бумажные костюмы, бумажная обувь, пачки «денег потустороннего мира» и стопки «золотого миллиарда».

– Похоже, у дедушки и у прадедушки плохое зрение, раз они могут принять эти подделки за настоящее, – не удержался от язвительного замечания Уильям.

Отец никак не отреагировал, и они продолжали работать молча.

Чтобы сделать это нудное занятие хоть сколько-нибудь терпимым, Уильям воображал, будто надраивает машину, чтобы выехать за город вместе с Вирджинией...

– Цзючжун, будь добр, принеси из сарая стол из сандалового дерева. Разложим красиво подарки призракам. И давай сегодня больше не будем ссориться.

Прозвучавшие в голосе отца просительные нотки удивили Уильяма. Только сейчас он вдруг заметил, какой сгорбленной стала у отца спина.

У него перед глазами возник непрошенный образ...

Он, еще совсем маленький мальчик, сидит у отца на плечах – кажется, таких же широких и незыблемых, как гора.

– Выше, еще выше! – крикнул он.

И отец поднял его над головой так, что он оказался над многолюдной толпой и смог увидеть восхитительные костюмы и разукрашенные лица актеров, исполняющих «народную оперу».

Отцовские руки были такими сильными, они держали его высоко в воздухе так долго...

– Конечно, папа, – сказал Уильям, поднимаясь на ноги, чтобы сходить в сарай, что располагался за их домом.

В сарае было темно, сухо и прохладно. Именно здесь отец временно хранил антиквариат, который восстанавливал для своих заказчиков, а также свою коллекцию. Тяжелые деревянные полки были заполнены ритуальными сосудами династии Чжоу и резными нефритовыми изделиями династии Хань, погребальными фигурками династии Тан и фарфором династии Мин, а также прочими предметами, которые Уильям не узнал.

Он осторожно пробрался по узким проходам, нетерпеливо ища свою цель.

⁵ Смит, Адам (1723–1790) – шотландский экономист и философ-этик, один из основоположников экономической теории как науки (прим. пер.).

«Может быть, вон в том углу?»

В углу сарая стоял небольшой верстак, освещенный косыми лучами света, проникающими сквозь затянутое бумагой окно. За верстаком, прислоненный к стене, стоял обеденный стол из сандалового дерева.

Уильям наклонился, чтобы взять стол, и застыл, увидев то, что лежало на верстаке.

Это были две абсолютно одинаковые на вид «буби», старинные бронзовые монеты. Похожие на лопатки размером с ладонь. Хотя Уильям плохо разбирался в антиквариате, в детстве он видел много «буби» и понял, что эти относятся к династии Чжоу или более ранней. Правители Древнего Китая чеканили монеты такой необычной формы, показывая тем самым свое уважение к земле, из которой вырастали дающие жизнь плоды и куда должно было возвращаться все живое. Работа на земле являлась одновременно обещанием на будущее и признанием прошлого.

По тому, какие большие были эти «буби», Уильям догадался, что они должны быть дорогими. И абсолютно одинаковая пара была огромной редкостью.

Охваченный любопытством, он внимательнее присмотрелся к монетам, покрытым темно-зеленым налетом, и сразу почувствовал что-то неладное. Уильям перевернул ту «буби», что лежала слева: она сверкнула яркой желтизной, похожей на золото.

Рядом с монетами стояло блюдечко с темно-синим порошком и кисточкой. Уильям понюхал порошок – медь.

Он знал, что бронза сверкает, только когда изделие недавно отлито.

Уильям постарался прогнать прочь подозрение. Его отец был человеком достойным и честно зарабатывал на жизнь. Негоже родному сыну думать про отца такое.

И все-таки Уильям взял обе «буби» и положил их в карман. Английские учителя научили его задавать вопросы, стремиться раскопать правду, какими бы ни были последствия.

После чего он наполовину принес, наполовину приволок стол в комнату.

* * *

– Вот теперь праздник начинает становиться похожим на настоящий, – одобрительно заметил отец, ставя на стол последнюю тарелку с вегетарианской уткой⁶. Стол был полностью заставлен блюдами с фруктами и изображениями всевозможных видов мясных блюд. Накрытый на восьмерых стол был готов принять духов предков семейства Хо.

«Имитация куриного мяса, вегетарианская утка, домики из папье-маше, фальшивые деньги...»

– Может быть, попозже мы выйдем на улицу, чтобы посмотреть представления «народной оперы», – сказал отец, не замечая настроения Уильяма. – Как когда ты был маленьким.

«Поддельная бронза...»

Достав из кармана две «буби», Уильям положил их на стол блестящей, незаконченной, стороной вверх.

Какое-то мгновение отец смотрел на них, затем сделал вид, будто ничего не произошло.

– Не хочешь зажечь палочки с благовониями?

Уильям ничего не сказал, стараясь сформулировать свой вопрос.

Отец перевернул обе «буби» и положил их рядышком. На обратной стороне каждой монеты, покрытой патиной, был вырезан иероглиф.

⁶ *Вегетарианская утка* – блюдо китайской кухни – рулет из тонкого листа теста из сои с начинкой из грибов, моркови и бамбуковых побегов; готовилось на китайский Новый год в бедных семьях, которые не могли позволить себе настоящую утку (прим. пер.).

– Форма иероглифов во времена династии Чжоу несколько отличалась от более поздних видов, – сказал отец таким тоном, словно Уильям все еще был ребенком, которого только учили читать и писать. – Поэтому коллекционеры из более поздних эпох иногда вырезали на изделиях собственные интерпретации иероглифов. Подобно патине, эти интерпретации также накапливаются на поверхности слоями, накладываясь друг на друга.

宇 宇

– Обращал ли ты внимание на то, как иероглиф «цзю», обозначающий вселенную и являющийся первым иероглифом твоего имени, похож на «цзы» – письменность?

Уильям молча покачал головой, не слушая отца.

«Вся эта культура зиждется на лицемерии, подделке, внешнем подражании тому, что невозможно получить».

– Видишь – «вселенная» прямолинейна, но для того, чтобы постичь ее разумом, превратить в язык, требуется излом, резкий поворот. Между Миром и Словом лежит дополнительный изгиб. Глядя на эти иероглифы, ты знакомишься с историей этих предметов, с мыслями наших далеких предков, живших тысячи лет назад. В этом глубокая мудрость нашего народа, и никакие латинские буквы никогда не передадут нашу правду так, как иероглифы.

Уильям больше не мог это терпеть.

– Ты лицемер! Мошенник!

Он ждал, молчаливо призывая отца опровергнуть обвинение, объясниться.

Наконец отец заговорил, не глядя на него.

– Первые призраки явились ко мне несколько лет назад.

Он использовал слово «гуайлоу», обозначающее иностранцев, но также имеющее значение «призраки».

– Они отдали мне на реставрацию старинные предметы, которых я прежде никогда не видел. «Как они попали к вам в руки?» – спросил я. «О, мы купили их у французских солдат, которые захватили Пекин, сожгли дворец императора и разграбили его».

Для призраков грабеж открывал широкие возможности. Таков был их закон. Эти бронза и керамика, на протяжении ста поколений передававшиеся нашими предками, были отняты у нас, чтобы украсить дома грабителей, даже не представлявших себе, что это такое. Я не мог этого допустить.

Поэтому я изготовил копии предметов, которые должен был отреставрировать, и отдал эти копии призракам. А подлинные артефакты сберег для нашей земли, для тебя и твоих детей. Я обозначаю подлинники и копии разными иероглифами, чтобы их различать. Понимаю, в твоих глазах я делаю что-то плохое, и мне стыдно, однако любовь толкает нас совершать странные поступки.

«Которая подлинная? – подумал Уильям. – Мир или Слово? Правда или понимание?»

Их прервал стук трости в дверь.

– Вероятно, покупатели, – сказал отец.

– Открывай! – крикнул тот, кто стоял за дверью.

Уильям открыл входную дверь. На пороге стоял хорошо одетый англичанин лет сорока вместе с двумя коренастыми здоровяками, которым было самое место в торговом порту.

– Как поживаете? – сказал англичанин. Не дожидаясь приглашения, он уверенно вошел в дом. Отпихнув Уильяма в сторону, верзилы проследовали за ним.

– Мистер Диксон! – воскликнул отец Уильяма. – Какая приятная неожиданность!

Он говорил по-английски с таким сильным акцентом, что Уильям непроизвольно поморщился.

– Уверяю, далеко не такая приятная, как та, что преподнес мне ты, – сказал Диксон. – Сунув руку в карман, он достал маленькую фарфоровую фигурку и поставил ее на стол. – Я дал тебе эту вещь, чтобы ты ее отреставрировал.

– Что я и сделал.

У Диксона на лице появилась неприятная усмешка.

– Моя дочь очень любит эту вещицу. Сказать по правде, меня забавляло то, как она играла с фигуркой из древней гробницы словно с куклой. Так она ее и разбила. Но после того как ты вернул починенную фигурку, дочь больше не желала играть с ней, заявляя, что это не ее «куколка». Как тебе известно, дети очень хорошо распознают обман. И профессор Осмер подтвердил мою догадку.

Отец Уильяма расправил плечи, но ничего не сказал.

Диксон подал знак, и два его прихвостня тотчас же смахнули со стола все. Тарелки, блюда, миски, «буби», еда, палочки для еды – все это беспорядочной кучей упало на пол.

– Ты хочешь, чтобы мы продолжали поиски? Или ты готов сознаться полиции?

Лицо отца Уильяма оставалось равнодушным. «Непроницаемым», как сказали бы англичане. Учась в школе, Уильям подолгу стоял перед зеркалом, пытаясь не делать такое лицо, чтобы не быть похожим на своего отца.

– Подождите минутку! – подал голос он. – Вы не можете просто так ворваться в чужой дом и вести себя словно шайка бандитов, не признающих закон!

– Ты очень чисто говоришь по-английски, – заметил Диксон, оглядывая его с ног до головы. – Практически без акцента.

– Спасибо, – сказал Уильям. Он старался сохранить спокойный, рассудительный тон. Определенно, этот человек поймет, что имеет дело не с обычным «аборигеном», а с молодым *англичанином*, образованным и воспитанным. – Я проучился десять лет в школе мистера Джорджа Додсуорта в Рамстейте. Вы ее знаете?

Ничего не сказав, Диксон усмехнулся, словно перед ним была танцующая обезьяна. Но Уильям настаивал:

– Не сомневаюсь, мой отец с радостью возместит вам ущерб. Не нужно прибегать к насилию. Мы можем вести себя как джентльмены.

Диксон рассмеялся – сначала издал смешок, затем громко захохотал. Его подручные, сперва сбитые с толку, присоединились к нему.

– Ты думаешь, что, раз научился говорить по-английски, ты теперь уже больше не тот, кем был. Похоже, на Востоке люди никак не могут понять принципиальное отличие Запада от Востока. Я здесь не для того, чтобы торговаться с тобой, а для того, чтобы предъявить свои права, и для твоего рассудка это что-то непостижимое. Если вы немедленно не вернете то, что принадлежит мне, мы разнесем здесь все к чертовой матери!

Почувствовав прилив крови к лицу, Уильям усилием воли расслабил мышцы, чтобы не выдавать своих чувств. Оглянувшись на отца, он вдруг понял, что у них сейчас одинаковое выражение лица: безмятежная маска, скрывающая беспомощную ярость.

Во время этого разговора отец медленно перемещался по комнате и теперь оказался у Диксона за спиной. Он встретился взглядом с сыном, и они едва заметно кивнули друг другу.

«И на сем я оставляю все то, о чем могу думать, и буду любить то, о чем не могу думать».

Уильям набросился на Диксона в то самое мгновение, как отец ухватил того за ноги. Все трое рухнули одной грудой на пол. В последующей борьбе Уильям словно наблюдал за собой

со стороны. У него не было никаких мыслей, лишь смесь любви и ярости, затуманившая его рассудок, и вот он уже сидел верхом на распростертом навзничь Диксоне, сжимая в руке одну «буби», готовый обрушить ее лезвие тому на голову.

Двое подручных, которых привел с собой Диксон, застыли на месте, беспомощно глядя на своего хозяина.

– У нас дома нет того, что вы ищете, – учащенно дыша, сказал Уильям. – А теперь уходите отсюда.

* * *

Уильям с отцом осмотрели разгром, который оставили после себя Диксон и его прихвостни.

– Спасибо, – сказал отец.

– Полагаю, сегодня призраки насладились отличным зрелищем, – ответил Уильям.

– Не сомневаюсь в том, что дедушка гордится тобой, – сказал отец. После чего, впервые на памяти Уильяма, добавил: – Цзючжун, я горжусь тобой!

Уильям не знал, что испытывает – любовь или ярость. Два иероглифа на перевернутой «буби» на полу у него перед глазами задрожали, затягиваясь влажной пеленой.

2

ИСТ-НОРБЕРИ, ШТАТ КОННЕКТИКУТ, 1989 ГОД

– Спасибо, что пригласила к себе домой, – сказал Фред. – Я замечательно провел время. – Он говорил натянуто, стараясь держаться подальше от Кэрри.

Воды пролива Лонг-Айленд ласково набегали на берег у их ног.

– Ты очень милый, – сказала Кэрри, беря Фреда за руку. Она подалась к нему, порыв ветра поднял ее волосы, бросая их ему в лицо, и цветочный аромат шампуня смешался с запахом моря, подобно обещанию, приправленному тоской. У Фреда гулко заколотилось сердце. Он ощутил в груди нежность, испугавшую его.

На противоположном берегу бухты виднелись яркие красные огни Эдли-Мэнсона, на этой неделе игравшего роль дома с привидениями. Фред мысленно представил себе радостные крики детворы, с восторгом слушающей страшные небылицы, которые им рассказывали взрослые.

– Не бери в голову то, что говорит мой отец, – продолжала Кэрри.

Фред застыл.

– Ты злишься, – сказала она.

– Что тебе об этом известно? – спросил Фред. «Она – принцесса. Она здесь своя».

– Невозможно управлять чужими мыслями, – сказала Кэрри. – Но человек всегда может решить сам, где его место.

Фред промолчал, пытаясь разобраться в переполняющей его ярости.

– Я – не мой отец, – продолжала Кэрри. – И ты – не твои родители. Семья – это история, рассказанная тебе; однако значение имеет та история, которую ты рассказываешь себе сам.

Внезапно Фред поймал себя на том, что именно это нравится ему в Америке больше всего: абсолютная убежденность в том, что семья не важна, что прошлое – это лишь *история*. Даже история, начавшаяся со лжи, с выдумки, может стать правдивой, может обрести жизнь.

Фред сунул руку в карман брюк и достал свой подарок.

– Что это такое? – спросила Кэрри, неуверенно беря бронзовую лопатку.

– Это старинная монета в форме лопатки, – сказал Фред, – которая давным-давно ходила в обращении в Китае. Она принадлежала моему дедушке, и тот подарил ее мне, когда мы покидали Китай. На счастье. Я полагал, она тебе понравится.

– Она очень красивая.

Фред почувствовал себя обязанным сказать правду.

– Дед рассказывал, что его отец спас монету от иностранцев, хотевших выкрасть ее из страны, а затем во время «Культурной революции» ее едва не уничтожили хунвэйбины⁷. Однако отец утверждает, что это подделка, подобно многим вещам из Китая, и ничего не стоит. Видишь эту отметину внизу? Отец говорит, что она современная, а никак не древняя. Но это единственное, что есть у меня от дедушки. Он умер в прошлом году, а мы не смогли поехать на похороны из-за иммиграционных проблем...

– Но монета должна храниться у тебя.

– Я хочу, чтобы она была у тебя. Я всегда буду помнить, как подарил ее тебе, и это будет лучшее воспоминание, лучшая история.

Наклонившись, Фред подобрал с земли острый камешек. Держа руку Кэрри с зажатой в ней монетой, он медленно нацарапал на патине, рядом со старинным иероглифом, их инициалы.

– Это наша метка, наша история.

Кивнув, Кэрри торжественно убрала монету в карман куртки.

– Спасибо! Это просто замечательно!

Фред подумал, что пора возвращаться домой, подумал о вопросах, которые задаст отец, о встревоженном молчании матери, о тех долгих часах, которые ждут его в ресторане завтра, послезавтра и послепослезавтра, о колледже, о котором можно будет думать, если он получит документы о гражданстве, о том, как он когда-нибудь пересечет этот огромный континент, пока что скрытый под непроницаемым мраком неведомого.

Но это будет еще не скоро. Фред огляделся вокруг, испытывая желание сделать что-нибудь значительное, чтобы ознаменовать эту ночь. Сняв куртку и рубашку, он сбросил ботинки, оставшись голым, без маски, без костюма.

– Давай искупаемся!

Кэрри рассмеялась, не поверив ему.

Вода оказалась настолько холодной, обжигающе холодной, что Фред, окунувшись, ахнул. Нырнув с головой, он тотчас же вынырнул и стряхнул воду с лица.

Кэрри окликнула его, а он помахал ей рукой и поплыл к ярким огням на противоположном берегу бухты.

Отражение залитого красными огнями Эдли-Мэнсона было испещрено яркими серебристыми прожилками лунного света. Руки Фреда уверенно рассекали темную синеву моря, а вокруг сотнями маленьких звездочек светились медузы.

Голос Кэрри затих далеко позади, а он плыл через звезды и полосы – самодостаточный, честолобивый, вкушающий соль надежды и горечь сознательного расставания с прошлым.

3

НОВАЯ ПАСИФИКА, 2313 ГОД

⁷ «Великая пролетарская культурная революция» – серия идейно-политических кампаний 1966–1976 годов в Китае, в рамках которых под предлогом противодействия возможной «реставрации капитализма» в КНР выполнялись цели по дискредитации и уничтожению политической оппозиции; одними из наиболее активных ее участников были хунвэйбины, члены отрядов студенческой и школьной молодежи (прим. пер.).

Оуна очнулась посреди оживленной улицы. Свет был тусклым и холодным, словно в предзакатные или вечерние сумерки.

С обеих сторон – казалось, в каких-нибудь считанных дюймах – проносились шестиколесные машины, напоминающие морские дротики с изящными плавниками. Заглянув в кабину одной из них, девушка едва не вскрикнула.

Из головы сидящего внутри существа исходили двенадцать щупалец.

Оуна оглянулась вокруг: к небу поднимались массивные шестиугольные башни, вплотную друг к другу – словно стволы в роще белодревов. Уворачиваясь от мчащихся машин, девушка добралась до края улицы, где проходили другие существа с двенадцатью щупальцами, не обращая на нее никакого внимания. У них было шесть ног и короткое туловище с переливающейся кожей, покрытой то ли мехом, то ли чешуей (Оуна не смогла точно определить).

Над головой на ветру, подобно листьям, трепетали вымпелы с чуждыми надписями: они были выполнены символами, состоящими из прямых линий, пересекающихся под острыми и тупыми углами. Гул толпы, состоящий из бессмысленных щелчков, стонов и чириканья, сливался в сплошной шум, представлявший собой, предположила Оуна, непонятную речь.

Существа не обращали на нее никакого внимания, иногда проходя прямо сквозь нее, словно она была из воздуха. Девушка почувствовала себя бесплотным призраком из сказок, которые рассказывали Учителя, когда она была маленькой. Прищурившись, она подняла взгляд и отыскала посреди неба солнце: оно было маленьким и менее ярким, чем то, к которому она привыкла.

Затем все вдруг начало меняться. Пешеходы на тротуарах остановились и вскинули головы вверх, вытягивая щупальца к солнцу – на кончике каждого длинного отростка была черная сфера глаза. Поток транспорта замедлился и застыл, пассажиры выбрались из машин, присоединяясь к толпе, глазеющей на небо. На все происходящее покрывалом опустилась полная тишина.

Оуна обвела взглядом толпу, останавливаясь на отдельных группах, застывших, словно фотографии. Большое существо с беззвучно колышущимися на голове щупальцами обняло своими передними конечностями двух малышей, защищая их. Двое чужаков прильнули друг к другу, переплетая руки и щупальцами. Еще одно создание на нетвердых ногах опиралось на стену здания, легонько похлопывая по ней щупальцами, словно выстукивая сообщение.

Казалось, солнце становилось все ярче и ярче. Существа отворачивали от него лица, их щупальца словно увядали от жары и света.

Они уставились на *нее*. Тысячи, миллионы глаз смотрели на Оуну, словно она внезапно стала видимой. Их щупальца потянулись к ней – с мольбой, подавая знаки.

Толпа расступилась, и маленькое существо размером примерно с Оуну подошло к ней. Оуна протянула к нему руки ладонями вверх, не зная, как себя вести.

Приблизившись, маленькая инопланетянка вложила что-то ей в руку и отступила назад. Оуна ощутила своей чешуйчатой кожей грубый древний металл. Перевернув лопатку, она увидела незнакомый символ – острые углы и крючки, напомнившие ей надписи на трепещущих флагах.

Вкрадчивым шепотом ей явилась мысль: «Помните нас, вы, которые цените прошлое».

Солнце стало еще ярче, и, по мере того как Оуна снова ощущала тепло, существа вокруг нее таяли в ослепительно-ярком свете.

* * *

Оуна сидела под белодревом, зажав в руке маленькую бронзовую лопатку. Вокруг над курганами продолжали подниматься перья пара, каждое из которых, возможно, открывало еще одно окно в потерянный мир.

В сознании девушки снова и снова возникали увиденные образы. «Порой понимание приходит не через мысль, а через пульсацию сердца, через щемление в груди, причиняющее боль».

Видя, что их мир умирает, древние обитатели Новой Пасифики в свои последние дни сосредоточили все силы на том, чтобы оставить после себя памятники – воспоминания о своей цивилизации. Понимая, что не выживут на солнце, которое становилось все жарче и жарче, они воплотили свою шестигранную симметрию во всей окружающей их живой природе в надежде на то, что какие-нибудь виды выживут и станут живыми отголосками их городов, их цивилизации, их самих. В этих развалинах они спрятали записи, воспроизведение которых начнется при обнаружении чего-то такого, что было изготовлено, состарилось, покрывшись многими слоями более поздних наложений, но тем не менее было сохранено, поскольку к нему относились как к чему-то ценному, и в этом случае будут разумные основания ожидать, что обладатель этого предмета умеет чувствовать историю, уважительно относится к прошлому.

Оуна думала о детях, напуганных, не понимающих, почему мир вокруг горит. Думала о застывших влюбленных, с сожалением признающих неумолимую реальность, вторгающуюся в их личный мир. Думала о тех, кто старался изо всех сил сохранить во Вселенной хоть какой-то след своего существования, несколько знаков, напоминающих о том, что они здесь прошли.

Прошлое, постоянно возвращающееся назад, превращало будущее в слои патины.

Оуна вспомнила обнаженные лица мисс Корон и других Учителей и впервые увидела их выражение в новом свете. Не высокомерие заставляло их так смотреть на своих учеников, а страх. Они оказались выброшены в этот новый мир, где не могли жить, и отчаянно цеплялись за свое прошлое, так как понимали, что на смену им придет новая раса, люди Новой Пасифики, а они останутся жить лишь в воспоминаниях.

Родители боятся, что дети забудут их, не будут понимать.

Подняв маленькую бронзовую лопатку, Оуна лизнула ее кончиком языка. Поверхность оказалась сладковато-горькой, пахнувшей давно умершими благовониями, жертвенными приношениями, следами бесчисленного количества жизней. То место, где пар очистил патину, рядом с высеченными древними символами, имело форму маленького человека, сверкало свежестью и новизной, будущим и в то же время прошлым.

Поднявшись с земли, девушка сорвала несколько гибких ветвей с ближайшего белодрева и аккуратно сплела из них венец с двенадцатью торчащими ветками, похожими на щупальца, похожими на волосы, похожими на оливковые ветви. Ее костюм был готов.

Это была лишь одна мимолетная сцена, увиденная сквозь туман неведения, несколько образов, которые Оуна с трудом могла понять. Возможно, эти образы были идеализированными, сентиментальными, искусственными – и все же разве не было в них жилки достоверности, неоспоримого семени любви к народу, чье прошлое что-то значило? Девушка намеревалась показать: теперь она понимает, что копание в прошлом – это процесс понимания, процесс поиска смысла во Вселенной.

Ее тело представляло собой амальгаму биологического и технологического наследий двух видов, и само ее существование являлось кульминацией устремлений двух народов. В ней соединились «Оуна земная», «Оуна ново-пасификанская», «Оуна-бунтарка» и «Оуна послушная», а также все предыдущие поколения, уходящие в бесконечность.

Пропитанная воспоминаниями и начинающая прозревать, дитя двух миров, она шла по поросшим лесом курганам в сторону Купола, держа на ладони поразительно тяжелую лопатку.

Демон Максвелла

ФЕВРАЛЬ 1943 ГОДА

Заявление на получение разрешения уехать, центр перемещенных лиц «Тьюл-Лейк»

Имя и фамилия: *Такако Ямаширо*

Вопрос № 27: Готовы ли вы служить в вооруженных силах Соединенных Штатов и участвовать в боевых действиях, если вам прикажут?

Я не знаю, как ответить на этот вопрос. Я женщина и не пригодна для войны.

Вопрос № 28: Готовы ли вы принести клятву безоговорочной преданности Соединенным Штатам Америки, и верой и правдой защищать Соединенные Штаты от любых нападений со стороны внешних и внутренних сил, и отречься от присяги японскому императору и всем прочим иностранным правительствам и организациям?

Я не знаю, как ответить на этот вопрос. Я родилась в Сиэтле, штат Вашингтон. Я никогда не давала никаких клятв японскому императору, так что мне не от чего отречься. Я готова принести клятву безоговорочной преданности своей родине, после того как моя родина освободит меня и моих родных.

АВГУСТ 1943 ГОДА

Такако шла по дороге, прямой как стрела, к скоплению административных зданий. По обеим сторонам тянулись одинаковые приземистые бараки, каждый из которых был разделен на шесть комнат, в каждой комнате – по семье. На востоке вдалеке возвышалась округлая гора Абалон. Такако попыталась представить себе, как с ее вершины выглядит правильная геометрическая сетка лагеря: подобно изображениям «уравновешенного порядка» древнего периода Нара⁸, которые в детстве ей показывал в книге отец.

Поскольку Такако была в простом белом хлопчатобумажном платье, легкий ветерок спасал ее от августовской жары севера Калифорнии, но она скучала по влажной прохладе Сиэтла, бесконечным дождям в заливе Пьюджет, смеху друзей и горизонту, не ограниченному сторожевыми вышками и оградой из колючей проволоки.

Такако подошла к зданию, в котором размещалась администрация лагеря. Она назвала себя охранником, и ее провели по длинным коридорам, через просторные помещения, заполненные рядами непрерывно стучащих пишущих машинок, с висящим в воздухе затхлым табачным дымом. Наконец девушка оказалась в маленьком кабинете в дальнем конце. Дверь за ней затворилась, приглушая шум разговоров и канцелярской техники.

Такако не знала, зачем ее вызвали. Она стояла, глядя на мужчину в военной форме, который развалился за письменным столом, откинувшись назад, и курил сигарету. Электрический вентилятор у него за спиной гнал дым на Такако.

⁸ Период Нара – эпоха в истории Японии (710–794). Особенности эпохи являются ускоренная китаизация японского общества, создание первых исторических хроник и расцвет культуры, а также широкое распространение буддизма во всех слоях японского общества и превращение его в мощную политическую силу (прим. пер.).

* * *

Заместитель директора разглядывал стоящую перед ним девушку. «Хорошенькая япошка, – подумал он. – Настолько хорошенькая, что можно было бы даже забыть, кто она такая». Он буквально сожалел о том, что придется ее отпустить. Если бы девчонка осталась здесь, это могло бы стать приятным развлечением.

– Вы – Такако Ямаширо, «девушка Нет»?

– Нет, – возразила Такако. – Я не отвечала «нет» на вопросы. Я обосновывала свои ответы.

– Если бы вы были лояльны, вы бы просто везде написали «да».

– Как я уже объяснила в анкете, эти вопросы были бессмысленными.

Заместитель директора махнул рукой, приглашая ее садиться. Выпить он ей не предложил.

– Вы, японцы, крайне неблагодарные, – сказал заместитель директора. – Мы поместили вас здесь для вашей же безопасности, а вы только и делаете, что жалуетесь, протестуете и ведете себя недоверчиво и враждебно. – Он посмотрел на Такако, приглашая ее возразить.

Однако та ничего не сказала, вспоминая страх и ненависть в глазах соседей и однокурсников.

Подождав немного, заместитель директора сделал глубокую затяжку и продолжал:

– В отличие от вашего народа, мы не дикари. Мы знаем, что бывают хорошие япошки и бывают плохие; но вопрос в том, где кто. Поэтому мы чуть приоткрываем дверь и задаем вопросы. Хорошие япошки проваливаются, а плохие остаются в сетке. Каждый человек ведет себя в соответствии со своей природой, и различить лояльных и нелояльных не составляет труда. Но тут появились вы и все усложнили.

Такако открыла было рот, но затем передумала. В мире этого человека она могла быть лишь «хорошей япошкой» или «плохой япошкой». В нем не было места для просто Такако Ямаширо, свободной от ярлыков.

– Вы учились в колледже? – переменял тему заместитель директора.

– Да, на физическом факультете. Я уже готовилась к защите диплома, когда произошло это...

– Никогда не слышал о девчонке-физике, япошке или нет, – присвистнул заместитель директора.

– В группе я была единственной женщиной.

Он окинул ее оценивающим взглядом, как оценивают обезьяну в цирке.

– Вы очень гордитесь своим умом. А тут больше подошла бы скрытность. Это объясняет вашу позицию.

Такако промолчала, бесстрастно взирая на него.

– Так или иначе, вам предоставляется возможность помочь Америке и доказать свою преданность. Люди из Вашингтона прислали запрос персонально на вас. Если вы согласитесь, подпишите вот эти документы, а завтра, когда вас заберут, вам расскажут больше.

Такако не могла поверить своим ушам.

– Я смогу покинуть «Тьюл-Лейк»?

– Вы не слишком-то радуйтесь: вам предстоят не каникулы.

Девушка быстро просмотрела лежащие перед ней бумаги.

– Эти документы лишают меня американского гражданства! – ошеломленно произнесла она.

– Ну разумеется, – развеселился заместитель директора. – Мы ведь не сможем вернуть вас в Японию как американскую гражданку, правильно?

Вернуть? Такако никогда не бывала в Японии. Она родилась и выросла в японском квартале Сизтла, после чего сразу же поступила в колледж в Калифорнии. Ей были знакомы лишь эти крошечные кусочки Америки, после чего она попала сюда.

Ей стало не по себе.

– А что, если я откажусь?

– В таком случае вы подтвердите, что не желаете помочь Америке вести войну. И тогда мы поступим с вами и вашими близкими соответствующим образом.

– Чтобы доказать, что я патриотка, я должна отказаться от Америки. Вы сами не видите, как это глупо?

Заместитель директора лишь пожал плечами.

– А мои близкие?

– Ваши родители и брат останутся здесь, на нашем попечении, – усмехнулся он. – Это обеспечит вашу полную концентрацию на работе.

* * *

Такако была объявлена преданным сторонником Императорской Японии, «нисей», готовой умереть за императора и с радостью отказавшейся от американского гражданства. Американские власти, великодушно желая избавить от страданий юную девушку, внесли ее в список пленных, которых предстояло отправить обратно в Японию в обмен на американских солдат, захваченных японцами в Гонконге. Прояпонски настроенные заключенные «Тьюл-Лейк» поздравляли родителей Такако, восторгаясь храбростью их дочери, в то время как все остальные, а их было большинство, смотрели на них с сочувствием. Мистер и миссис Ямаширо были ошеломлены. Брат Такако, еще один «мальчик Нет», отказавшийся отвечать на вопросы из принципа, несколько раз дрался с заключенными лагеря. Вскоре всю семью перевели в тюрьму – «в ее же собственных интересах».

Люди из Вашингтона объяснили Такако, что она должна была сделать, как только корабль прибудет в Японию. Японские власти отнесутся к ней с подозрением и подвергнут ее бесконечным допросам. Ей можно будет говорить все что угодно, чтобы убедить их в своей преданности Императорской Японии. В подкрепление ее «легенды» будет организована утечка сведений о том, что ее родные погибли в ходе возглавленного ими восстания заключенных, что привело к введению в лагере чрезвычайного положения. Японцы решат, что у девушки больше не осталось никаких связей с Америкой. Ей предстоит использовать все имеющиеся в ее распоряжении средства (мужчины выразительно посмотрели на ее гибкое тело), чтобы добыть ценную информацию – в первую очередь о достижениях японской военной науки.

– Чем больше вы нам дадите, – сказали они, – тем больше поможете своим близким и своей родине.

* * *

Японский язык, выученный Такако дома и на рынках японского квартала, прошел строгое испытание со стороны следователей «Кэмпэйтэй»⁹, проводивших допросы. Девушка снова и снова отвечала на одно и то же.

Почему вы ненавидите американцев?

Вы всегда испытывали любовь к Императорской Японии?

Как вы отнеслись к известию о победе в Перл-Харборе?

⁹ «Кэмпэйтэй» («корпус безопасности») – служба безопасности Сухопутных войск Императорской Японии в 1881–1945 годах (прим. пер.).

В конце концов Такако была признана верной подданной императора, гордой японкой, страдавшей в руках американских дикарей. Ее знание английского языка и образование были сочтены полезными, и ее определили к ученым, работавшим на нужды обороны, – переводить английские газеты. Девушка полагала, что «Кэмпэйтэй» продолжает за ней следить, однако полной уверенности у нее не было.

Кинооператоры в пропагандистских целях снимали ее за работой в Токио – в белом халате. Женщина-физик, бежавшая из Америки, чтобы работать во славу Родины! Такако стала символом Новой Японии. Ей делали профессиональный макияж, и она мило улыбалась в объектив камеры. «Не так уж и важно, насколько хорошо собака танцует, – думала она. – Главное, что она вообще танцует».

Девушка произвела впечатление на Сатоши Акибу, ученого-физика и офицера императорской армии. Сорока с небольшим лет, представительного вида, он учился в Англии и Америке. «Не хотите ли вы, – наклонившись к ней, прошептал он, – отправиться вместе со мной на Окинаву, чтобы принять участие в одном важном проекте?» Сказав это, он смахнул с лица Такако прядь волос.

МАРТ 1944 ГОДА

Весна на Окинаве, расположенной в тысяче миль к югу от Токио, была теплой, даже жаркой. А еще здесь было патриархально тихо по сравнению с оживленной суетой главных японских островов. Здесь, вдали от непрерывных радиообращений и призывов полностью отдать себя делу победы, война казалась отдаленной, нереальной. Временами Такако даже удавалось убедить себя в том, что она учится в школе.

В корпусе у нее была своя комната. Однако ей редко удавалось ночевать в ней: практически каждый вечер директор Акиба вызывал ее к себе. Иногда он писал письма своей жене, оставшейся в Хиросиме, пока Такако делала ему массаж. В другие дни он просил ее поговорить с ним по-английски перед тем, как лечь спать, – «для практики». Похоже, американские привычки Такако и ее американское образование делали ее в его глазах еще более притягательной.

Такако никак не могла понять, чем занималось «Подразделение 98». Судя по всему, Акиба не до конца доверял ей и никогда не обсуждал с ней военные новости и свою работу. Он тщательно следил за тем, чтобы ей поручались лишь самые безобидные задачи – читать и конспектировать статьи в западных научных журналах на темы, не имеющие, казалось, никакого практического применения: эксперименты по диффузии газов, расчеты уровней энергии атомов, различные психологические теории. Однако исследовательский комплекс был строго засекречен и тщательно охранялся. В нем работало свыше пятидесяти ученых, а жители всех окрестных деревень были принудительно выселены.

Американские кураторы Такако связались с ней через прислугу. Все, что она считала заслуживающим внимания, она должна была выбрасывать в мусор, завернув в женские прокладки. Слуги выносили сверток за пределы комплекса и помещали в герметический контейнер, который передавали семье рыбаков, а те уже на своей шхуне вывозили контейнер в Филиппинское море и сбрасывали над определенным затонувшим атоллom. Затем контейнер забирали американская подводная лодка.

Девушка мысленно представляла себе долгий путь свертков в Америку, белая марля испачкана кровью ее месячных – пародия на «хиномару»¹⁰, к которой мужчины прикасались с крайней неохотой. Такако вынуждена была признать, что ее кураторы действовали умно.

Как-то раз Акиба пребывал в созерцательном настроении. Ему захотелось прогуляться в лесу в глубине острова, и он предложил Такако сопровождать его. Они доехали до того места,

¹⁰ «Хиномару» – «солнечный круг» (япон. яз.), государственный флаг Японии (прим. пер.).

где дорога заканчивалась, после чего пешком углубились в лес. Такако была в восторге. До сих пор у нее еще не было возможности познакомиться с островом.

Они шли мимо гигантских зеркальных мангров, чьи вертикальные плоские корни представляют собой созданный природой вариант японских ширм. Они слушали щебет окинавского дятла. Они восторгались малайскими баньянами, чьи корни переплетались над землей, спускаясь с ветвей подобно нимфам. Проходя мимо этих священных деревьев, Такако беззвучно молилась, как учила ее мать, когда она была маленькой.

Через час они вышли на поляну в лесу. На противоположном конце поляны зиял черный зев пещеры, уходящей под землю. В пещеру втекал ручей, его журчание усиливалось отголосками, отражающимися от ее сводов.

Такако ощутила исходящее от пещеры зло. Ей показалось, что она слышит стоны, вопли, крики, которые становились все громче и громче по мере приближения к входу. Ноги у нее стали ватными. Не удержавшись, девушка упала на колени, повалилась вперед и, прижавшись руками и лбом к земле, произнесла на языке, которым не пользовалась так долго, что он прозвучал странно для ее собственного слуха:

– Муноо йуу июуру мун¹¹.

Все звуки затихли, и Такако, подняв взгляд на Акибу, увидела, что тот смотрит на нее с непроницаемым выражением.

– Извините, – пробормотала распростертая девушка. – Мои бабушка и мать говорили со мной на учина-гучи¹², когда я была совсем маленькой.

Она вспомнила рассказы матери о том, что, когда та училась в школе на Окинаве, учитель заставлял ее носить на шее «бацу фуда», дощечку с надписью, что она плохая ученица, поскольку вместо японского языка говорит на окинавском. Мать Такако была одной из «юта», женщин, умеющих общаться с душами умерших. Жители северных островов утверждали, что «юта» и «жрицы нууру» – примитивные предрассудки, представляющие опасность для национального единства, которые необходимо вытоптать, чтобы жители Окинавы очистились от грязи и стали полноценными членами японской нации.

Те, кто говорил на учина-гучи, были предателями, шпионами. Этот язык был запрещен.

– Ничего страшного, – успокоил ее Акиба, – я не ревнитель чистоты языка. Мне известно о твоём прошлом. Как ты думаешь, почему я пригласил тебя сюда?

Он объяснил, что, согласно легендам, в этой пещере многие сотни лет назад древние правители государства Рюкю спрятали свои сокровища – до того как японская армия захватила остров. Какие-то чиновники в императорской армии решили, что имеет смысл проверить эти легенды, и подневольные рабочие из числа китайцев, корейцев и осужденных за симпатии к коммунистам были привезены на остров, чтобы вести раскопки в пещере. Командир слишком рьяно заботился об экономии выделенных средств, и заключенных морили голодом. В прошлом году они взбунтовались, и всех их, числом около пятидесяти, расстреляли, а трупы бросили разлагаться в пещере. Никаких сокровищ обнаружено не было.

– Ты слышишь их голоса, да? – спросил Акиба. – У тебя дар «юта», унаследованный от матери.

Ученый, продолжал он, не должен бездумно отбрасывать необъяснимые явления, не попытавшись в них разобраться. «Подразделение 98» было создано как раз для изучения паранормальных явлений: экстрасенсорного восприятия, телекинеза, оживления мертвых. «Юта» на протяжении многих поколений общались с мертвыми, и, по мнению Акибы, имело смысл присмотреться к этому факту внимательнее и понять, можно ли как-то его использовать.

¹¹ «Говори о других хорошее» (прим. пер.).

¹² *Учина-гучи* (окинавский яз.) – язык коренных жителей Окинавы и близлежащих островов (прим. пер.).

– Многие «юта» утверждают, что способны слышать духи тех, кто умер насильственной смертью, и разговаривать с ними, однако пока что нам не удавалось добиться от них того, чтобы они заставили мертвецов сделать что-либо полезное. Всем «юта» катастрофически недостает научных знаний. Но теперь у нас есть ты.

* * *

Такако убедила двух духов, Тъая и Санле, прикрепиться к лопате, оставленной у входа в пещеру. Оба они при жизни имели дело с лопатами, и сейчас им было уютно. Девушка видела их, туманную дымку в форме исхудалых, осунувшихся людей, вцепившихся в черенок лопаты.

Тъай и Санле показали ей образы сорговых полей в Маньчжурии, откуда они были родом, – колышущиеся красные стебли, похожие на волнуемое море. Они показали ей взрывы, и горящие дома, и колонны марширующих солдат. Показали женщин с животами, вспоротыми штыками, и молодых парней, которых поставили на колени под развевающимся флагом Восходящего солнца и обезглавили. Показали кандалы и цепи, мрак, голод и самые последние мгновения, когда им уже было больше нечего терять и смерть стала для них желанной.

– Прекратите! – взмолилась Такако. – Пожалуйста, прекратите!

* * *

Ей явилось воспоминание. Она в Сиэтле, в их крохотной однокомнатной квартире. На улице дождь, как всегда. Ей шесть лет, и она проснулась первой. Рядом с ней ее бабушка.

Такако протягивает руку, чтобы накрыть бабушку одеялом. «Ннмее» болеет, по ночам она ежится от холода. Девочка прикасается ладонью к бабушкиной щеке. Именно так она всегда будит ее по утрам, после чего они лежат рядом, перешептываясь и хихикая, а за окном тем временем постепенно светает.

Но сейчас что-то не так. Щека у бабушки холодная и твердая, как кожаный ботинок. Маленькая Такако садится в кровати и видит призрачный силуэт бабушки, сидящий у спинки. Девочка переводит взгляд с лежащего рядом с ней тела на призрачный образ и все понимает.

– Ннмее, маа кай га? – спрашивает она. «Бабушка, куда ты уходишь?»

Бабушка всегда разговаривала с ней на учина-гучи, даже несмотря на то что отец считал это дурной привычкой.

– Сейчас в японском квартале всем нам нужно быть японцами, – говорил он. – У Окинавы нет будущего.

– Нмаридзима, – отвечает бабушка. «Домой».

– Ндзичаабира. – «Прощай!» Такако заплакала, и проснулись взрослые.

Ее мать вернулась на Окинаву одна, отвезя туда бабушкино кольцо. Такако помогла матери уговорить бабушку прикрепиться к кольцу.

– Держись крепче, ннмее!

И бабушкин образ улыбнулся.

– Теперь ты тоже «юта», – сказала мать девочке. – Нет ничего хуже того, чтобы умереть вдали от дома. Душа не сможет успокоиться до тех пор, пока не вернется домой, и долг «юта» помочь ей.

* * *

Они захватили лопату с собой. Акиба пребывал в приподнятом настроении, всю дорогу насвистывая и мурлыча какую-то мелодию. Он подробно расспросил Такако о духах: как они выглядят, что говорят, чего хотят.

– Они хотят вернуться домой, – сказала девушка.

– Вот как? – Акиба сбил ногой россыпь грибов, растущих у тропинки, разбросав их во все стороны. – Скажи им, что они смогут вернуться домой, после того как помогут нам одержать победу в войне. Живыми они были слишком ленивыми и не делали ничего полезного для императора, но теперь у них есть шанс исправиться.

Они шли мимо баньянов и мангров, мимо кустов гибискуса и ароматных ночных лилий с гигантскими листьями, похожими на слоновьи уши. Но Такако больше не могла любоваться видами. Она с трудом удерживала свою «мабуи», жизненную суть, в скорлупе тела.

* * *

Акиба показал ей прототип: металлический ящик, посередине разделенный перегородкой напополам. Перегородка была пронизана множеством крошечных отверстий, закрытых прозрачной шелковой мембраной.

– «Юта» сказали, что духи очень слабые. У них почти нет силы манипулировать физическими предметами, они даже не могут поднять над столом карандаш. Максимум, что они могут сделать, – это сдвинуть в ту или другую сторону одну ниточку. Это так?

Такако согласилась. Духи действительно были ограничены в своем взаимодействии с реальным миром.

– Полагаю, эти женщины говорили правду, – задумчиво произнес Акиба. – Мы подвергли некоторых из них пыткам, убеждаясь в том, что они ничего не утаивают из своих секретов.

Такако пришлось сделать над собой усилие, чтобы сохранить внешнее спокойствие.

– На войне дела обстоят из рук вон плохо, что бы там ни вещали пропагандисты, – продолжал Акиба. – Мы уже давно перешли к обороне, а американцы неумолимо наступают, делая прыжки с одного острова на другой. Недостаток в храбрости и умении они с лихвой компенсируют богатством и практически неограниченными ресурсами. Это всегда было слабостью Японии. У нас подходят к концу запасы нефти и другого жизненно необходимого сырья, и нам нужно найти какие-нибудь неожиданные источники энергии, что в корне повернет ход войны.

Акиба погладил ее по щеке, и девушка поймала себя на том, что помимо воли расслабилась от ласкового прикосновения.

– В 1871 году Джеймс Кларк Максвелл разработал принципиально новый двигатель, – продолжал Акиба.

Такако попыталась было сказать, что ей известно предположение Максвелла, однако Акиба, пребывающий в менторском настроении, не обращал на нее внимания.

– Для неяпонца очень неплохо, – добавил он. – Сосуд с воздухом наполнен быстро движущимися молекулами. Их средняя скорость – это то, что мы понимаем под температурой. Однако на самом деле молекулы движутся не с одной и той же скоростью. У одних энергия выше, и они движутся быстрее, другие ленивы и движутся медленно. Но предположим, что сосуд разделен посередине калиткой. Предположим также, что эту калитку стережет крошечный демон. Демон следит за всеми молекулами, носящимися в сосуде. Когда он видит быстро движущуюся молекулу, приближающуюся к калитке справа, он открывает калитку, пропускает молекулу налево и тотчас же снова закрывает калитку. Когда демон видит медлительную молекулу, приближающуюся к калитке слева, он открывает калитку, пропускает ее вправо и тот-

час же закрывает калитку. Через какое-то время, даже несмотря на то что демон напрямую не взаимодействовал ни с одной молекулой и не сообщил системе никакой дополнительной энергии, общая энтропия системы уменьшится, температура левой половины сосуда, наполненной быстро движущимися молекулами, повысится, в то время как правая половина, наполненная медленно движущимися молекулами, остынет.

– Разность температур можно будет использовать для совершения полезной работы, – заметила Такако. – Это как плотина, удерживающая воду.

Акиба кивнул.

– Демон просто позволил молекулам самостоятельно отсортироваться на основании информации об их предыдущем состоянии, но этой сортировкой он преобразовал информацию в энергию и обошел второй закон термодинамики. Мы должны построить этот двигатель.

– Но это лишь умозрительная гипотеза, – возразила Такако. – Где найти таких демонов?

Акиба усмехнулся, и девушка ощутила холодную дрожь.

– И вот здесь в дело вступаешь ты, – сказал он. – Это *ты* научишь своих духов приводить в действие наш двигатель, отделять «горячие» молекулы от «холодных». Когда ты добьешься успеха, у нас появится неограниченный источник энергии, добываемой, по сути, из воздуха. Мы сможем построить подводные лодки, не требующие дизельного топлива, которым никогда не нужно всплывать на поверхность, построить самолеты, у которых никогда не закончится горючее, которым не нужно будет приземляться. Питаясь энергией мертвых, мы омоем Нью-Йорк и Сан-Франциско в огненном море, мы разобьём Вашингтон, превратив его в болото, каковым он и был. Все американцы умрут, вопя от ужаса!

* * *

– Давайте поиграем вот в эту игру, – предложила Такако Тъаю и Санле. – Если у вас это получится, возможно, я найду способ вернуть вас домой.

Закрыв глаза, она дала волю своим мыслям, смешивая свое сознание с сознанием духов. Девушка подключилась к их чувствам, делила с ними их ощущения, видела то, что видели они. Не сдерживаемые ограничениями физических тел Тъай и Санле могли сосредоточить свои органы чувств на мельчайших размерностях, на самых крошечных временных срезах, поэтому все вокруг казалось им многократно увеличенным и замедленным. Однако, необразованные и неграмотные, они не знали, что им искать.

По-прежнему владея их вниманием, Такако поделилась с ними своими знаниями и помогла им увидеть воздух как море стеклянных шариков, носящихся в разные стороны и сталкивающихся друг с другом.

Девушка направила их к шелковым нитям мембраны, закрывающей перегородку посередине сосуда. Проявив бесконечное терпение, она научила их дожидаться молекулу, летящую к перегородке.

– Открывайте! – кричала она.

И смотрела, как Тъай и Санле напрягали свои скудные силы, изгибая шелковые нити и открывая крошечные отверстия, через которые пролетали молекулы воздуха.

– Быстрее, быстрее! – кричала Такако. Она не могла сказать, как долго пробыла с духами, обучая их работать быстрее, открывать и закрывать двери в перегородке, отделяя быстрые молекулы от медлительных.

Открыв глаза, Такако ахнула, чувствуя, как ее «мабуй» снова полностью овладевает ее телом. Время опять вернулось к своему нормальному ходу, пылинки медленно скользили в лучах солнечного света, проникающего в темную комнату.

Положив ладонь на один конец металлического сосуда, девушка вздрогнула, почувствовав, как тот постепенно нагревается.

* * *

Ночь была в разгаре. Такако находилась у себя в комнате. Она объяснила Акибе, что у нее месячные. Кивнув, тот пригласил к себе служанку.

Самым сложным в плане Такако было заставить Тъя и Санле спрятаться в прокладках. После всех тех мучений, какие им довелось вытерпеть, казалось глупым, что они станут кочевряжиться из-за такой мелочи. Однако тут духи вели себя странно. В конце концов девушке удалось убедить их в том, что это единственный способ вернуться домой, проделать долгий окольный путь через половину земного шара. Духи поверили ей и скрепя сердце выполнили то, что она просила.

Измученная, Такако села за стол и стала писать в свете ущербной луны.

Разведка доложила о том, что американцы разрабатывают новое оружие, основанное на расщеплении атома. Немцы несколько лет назад уже расщепили уран, и японцы работали над тем же самым проектом. Американцам нужно было поторопиться.

Такако знала, что для создания атомной бомбы на основе урана нужен был конкретный вид урана. Уран встречается в двух разновидностях: уран-238 и уран-235. В природе 99,284 % урана приходится на уран-238, однако для ядерной реакции необходим уран-235. Различить изотопы химическим путем невозможно.

Такако мысленно представила атомы урана, находящиеся в газообразном состоянии. Молекулы сталкиваются подобно воздуху в металлическом сосуде. В среднем более тяжелые молекулы урана-238 будут двигаться медленнее более легких молекул урана-235. Девушка представила себе, как молекулы сталкиваются в трубе, в конце которой ждут духи, открывающие дверь и пропускающие более быстрые молекулы, но не дающие дорогу более медленным.

– Если вы поможете Америке одержать победу в войне, вы вернетесь домой, – прошептала она, обращаясь к духам.

Такако записала свои предложения.

Она постаралась представить себе, какой мощностью будет обладать бомба, создать которую ей помогут духи. Окажется ли эта бомба ярче солнца? Омоем ли она огненным морем целый город? Породит ли тысячи, миллионы новых духов, которым никогда не будет суждено вернуться домой?

Такако остановилась. Она убийца? Если она ничего не сделает, умрут люди. Что бы она ни сделала, умрут люди. Закрыв глаза, девушка подумала о своих родных. Она надеялась, что им приходится не слишком тяжело. Конечно, у брата были определенные проблемы. Он очень сильно переживал и постоянно злился. Такако представила себе, как двери лагеря «Тьюл-Лейк» открываются и все выбегают наружу, словно обладающие высокой энергией молекулы. *«Война закончилась!»*

Такако закончила свой доклад, надеясь, что аналитики в Америке не отнесутся к нему как к бреду сумасшедшего. Она дважды подчеркнула просьбу позволить ее матери работать с Тъяем и Санле, а после окончания работ помочь им вернуться домой.

* * *

– Что ты хочешь сказать? Как это бежали? – в голосе Акибы не было ярости. Он был озадачен.

– Я не смогла объяснить им достаточно понятно, чего ожидать, – бессильно промолвила Такако. – Приношу свои извинения. Я пообещала им слишком соблазнительную награду. Они меня обманули; какое-то время мне казалось, что эксперимент проходит успешно, однако в действительности это было лишь плодом моего воображения. Судя по всему, духи сбежали

ночью, так как испугались, что я обнаружу их обман. Если хотите, мы найдем в пещере других духов.

– С другими «юта» такого никогда не случалось, – прищурился Акиба.

Такако потупилась, чувствуя, как гулко колотится сердце.

– Пожалуйста, поймите, что эти души не принадлежали верным подданным императора. Это были преступники. Чего можно ожидать от китайцев?

– А вот это уже любопытно. Ты предлагаешь нам попросить верных подданных добровольно вызваться для этой работы? Превратить их тела в души, чтобы они смогли лучше служить императору?

– Вовсе нет! – поспешно произнесла Такако. Во рту у нее пересохло. – Как я уже говорила, гипотеза кажется мне хорошей, однако, на мой взгляд, сложность задачи превосходит способности простых солдат и крестьян, даже если их души горят желанием послужить императору. Пока что нам нужно заняться другими исследованиями.

– Пока что, – протянул Акиба.

Сглотнув ужас, Такако улыбнулась и начала раздеваться.

ИЮНЬ 1945 ГОДА

Деревня ютилась на склоне холма, что в значительной степени защищало ее от бомбежек и артобстрелов. И тем не менее каждые несколько минут земля под маленькой хижинкой дрожала от разрывов.

Бежать было некуда. Американские морские пехотинцы высадились на Окинаву два месяца назад. Их продвижение было медленным, но неудержимым. Несколько недель назад комплекс «Подразделения 98» в результате мощной бомбардировки был превращен в руины.

Собравшиеся перед хижинкой жители деревни слушали сержанта. Тот снял гимнастерку, обнажая торчащие под грязной кожей ребра. Вот уже несколько месяцев еда выдавалась по карточкам, но, даже несмотря на то что многим мирным жителям приказали покончить с собой, чтобы оставшихся припасов хватило для императорской армии, запасы продовольствия все равно закончились.

Собравшимися были одни женщины да немногие маленькие дети и дряхлые старики. Всем крепким мужчинам, в том числе подросткам, несколько дней назад выдали бамбуковые копья – их бросили в самоубийственную атаку на морских пехотинцев.

Такако попрощалась с ними. Многие подростки накануне сражения были спокойны, даже рвались в бой.

– Мы, мужчины Окинавы, покажем американцам дух Ямато¹³! – дружно кричали они. – Каждый день, который мы будем сражаться здесь, даст еще один день безопасности нашим главным островам!

Назад из них не вернулся никто.

У сержанта на ремне висел самурайский меч. Его хатимаки¹⁴ была грязной и окровавленной. Он расхаживал взад и вперед перед толпой со слезами бессильной ярости на лице. «Что пошло не так? Япония была непобедимой!» Наверное, всему виной нечистые окинавцы, которые, в конце концов, не являются настоящими японцами. Даже несмотря на то что было казнено много изменников, которых поймали перешептывающимися на своем непонятном наречии, все равно осталось слишком много тех, кто тайком помогал американцам.

– Американцы врываются во все дома, в которых были женщины и дети, и открывали стрельбу. Их не останавливал даже детский плач. Это настоящие животные!

¹³ *Ямато* – древнее самоназвание Японского государства (прим. пер.).

¹⁴ *Хатимаки* – белая головная повязка, символизирующая у японцев непреклонность намерений и поддерживающая боевой дух (прим. пер.).

Слушая сержанта, Такако мысленно представляла себе случившееся в деревне. Сержант описывал нападение американцев на деревню, расположенную за холмом. Японские солдаты укрылись в домах, используя жителей деревни в качестве живых щитов. Некоторые женщины набрасывались на морских пехотинцев с бамбуковыми копьями. Американцы стреляли в них, после чего врывались в дома. Они не разбирали, где солдаты, а где мирные жители, – для этого было уже слишком поздно.

– Они изнасилуют всех вас и будут истязать ваших детей у вас на глазах, – продолжал сержант. – Но мы лишим их этого удовольствия. Пришло время вам отдать свою жизнь за императора. Сила духа поможет нам одержать победу. Япония никогда не капитулирует!

Кое-кто из детей заплакал, матери принялись их успокаивать. Они смотрели на лихорадочно жестикулирующего сержанта отсутствующими глазами. Слово «изнасиловать» не произвело на них никакого впечатления: несколько дней назад солдаты императорской армии провели с ними последнюю ночь улады накануне самоубийственной атаки. Из женщин мало кто сопротивлялся. Это же война, верно?

Главе каждой семьи выдали по гранате. Какое-то время назад еще можно было раздать всем по две гранаты (одну для врага, другую для семьи), но гранаты заканчивались.

– Пора! – крикнул сержант.

Никто из жителей деревни не пошевелился.

– Пора! – повторил сержант, направляя пистолет на одну из женщин.

Та прижала к себе детей, с криком выдернула из гранаты чеку и прижала ее к груди. Она продолжала кричать до тех пор, пока взрыв резко не оборвал крик. Во все стороны разлетелись куски окровавленной плоти, некоторые из них попали сержанту в лицо.

Другие женщины и старики также начали кричать и плакать, прогремели новые взрывы. Такако крепко заткнула уши, однако души умерших продолжали кричать, и заглушить это было невозможно.

– Пришло и наше время, – сказал Акиба, как всегда, совершенно спокойный. – Я предоставляю тебе возможность выбрать, как уйти из жизни.

Такако молча смотрела на него, не в силах поверить своим ушам. Подняв руку, Акиба потрепал ее по щеке. Девушка вздрогнула, и Акиба, отдернув руку, язвительно усмехнулся.

– Но мы поставим один эксперимент, – сказал он. – Я хочу выяснить, сможет ли твой дух – а ты у нас верная подданная императора, образованная, сведущая в науках – выполнить то, что не удалось другим духам, и стать демоном Максвелла. Я хочу узнать, будет ли работать мой двигатель. – Акиба кивнул на металлический сосуд в углу комнаты.

Такако увидела у него в глазах безумный блеск. Она заставила себя сохранить спокойствие и говорить мягко, словно обращалась к ребенку.

– Может быть, лучше подумать о том, чтобы сдаться в плен. Вы человек важный. Вас не тронут.

– Я всегда подозревал, что ты не та, за кого себя выдаешь, – рассмеялся Акиба. – Долгая жизнь в Америке развратила тебя. Я даю тебе последний шанс доказать свою преданность императору. Воспользуйся им и выбери, как ты умрешь, или решение за тебя приму я.

Девушка молча смотрела на него. Этот человек не видел ничего плохого в том, чтобы истязать старух, с радостью представлял себе большие города, объятые пламенем, бесстрастно собирався убивать людей, чтобы их души питали энергией машины смерти. Но в то же время Акиба был единственным, кто за многие годы проявил по отношению к ней хоть какую-то нежность, хоть что-то, похожее на любовь.

Он вызывал у нее ужас, и ей хотелось кричать. Она его ненавидела – и в то же время жалела. Ей хотелось увидеть, как он умрет, и хотелось его спасти. Но что бы ни случилось с Акибой, больше всего Такако хотела жить. Это ведь война, так?

– Вы правы, господин директор. Но, пожалуйста, прежде чем я умру, еще один раз, чтобы сделать меня счастливой... – Она начала раздеваться.

Акиба пробурчал что-то себе под нос. Положив пистолет, он расстегнул ремень. Угроза неминуемой смерти увеличила его аппетиты, и он полагал, что на девушку это повлияло так же.

Акиба задумался.

Возможно, он слишком суров по отношению к той, кто, в конце концов, доказала свою преданность. Ему будет не хватать этого странного, такого милого американского выражения, которое время от времени появлялось на лице у Такако, этого взгляда у нее в глазах, наполненного страхом и в то же время тоской, словно у щенка, который хочет вернуться домой, но не знает как. Акиба подумал, что на этот раз он будет с ней ласков, как был ласков со своей женой, давным-давно, когда они еще только поженились. (У него защемило сердце при мысли о том, что его жена сейчас в Хиросиме, а он даже не знает, жива ли она.) Затем он ее задушит, чтобы сохранить ее красоту. Да, именно так – в мгновение экстаза он отправит Такако в загробную жизнь, после чего сам последует за ней.

Акиба поднял взгляд. Такако рядом с ним больше не было.

* * *

Такако бежала не останавливаясь. Ей было все равно, куда бежать. Она просто хотела убежать как можно дальше от Акибы и кричащих духов.

Вдалеке девушка увидела яркое пятно. Возможно ли это? Да! Это был звездно-полосатый флаг, трепещущий на ветру. У Такако сердце застряло в горле. Ей показалось, она умрет от внезапного счастья. Она побежала еще быстрее.

С вершины холма Такако разглядела, что это маленькая деревушка. Повсюду были раскиданы трупы японских и американских солдат. А также женские. И детские. Земля пропиталась кровью. Флаг гордо реял в жарком воздухе.

Девушка увидела расхаживающих американских морских пехотинцев. Они плевались на трупы японцев и забирали у офицеров на сувениры самурайские мечи и другие вещи. Кто-то сидел на земле, отдыхая после изнурительного боя. Другие подходили к женщинам, стоящим в дверях своих домов. При их приближении женщины без сопротивления проходили внутрь. Это ведь тоже война, так?

Все было почти кончено. Она почти вернулась домой. Собрав остатки сил, Такако пробежала по лесу последние сто шагов и выбежала в деревню.

Два морских пехотинца резко обернулись при ее появлении. Оба были молодые, ровесники ее брата. Такако подумала о том, в каком виде она предстала перед ними: разорванное платье, невымытые волосы и лицо, одна грудь обнажилась, когда она убегала от Акибы. Девушка представила себе, как обратится к ним по-английски, на размеренном говоре Тихоокеанского побережья с его омытыми дождем гласными и неприкрашенными согласными.

На лицах морпехов мелькнуло напряжение, испуг. Они полагали, что все закончилось, но неужели эта сумасшедшая хочет совершить еще одно самоубийственное нападение?

Раскрыв рот, Такако попыталась выдавить из горла воздух, которого там не было.

– Я амер... – успела прохрипеть она.

Раздалась громкая автоматная очередь.

* * *

Морские пехотинцы подошли к распростертой на земле девушке.

– Какая красивая япошка! – присвистнул один из них.

– Довольно привлекательная, – согласился другой. – Только я не могу вынести ее взгляд.

У Такако в груди и горле клекотала кровь.

Она думала о своих родных, оставшихся в «Тьюл-Лейк», о бумагах, которые подписала. О духах, которых тайком переправила в Америку ценой собственной жизни. О своей матери, прижимающей к груди гранату. Затем ее рассудок захлестнули крики и стоны мертвых вокруг, полные страданий, ужаса и боли.

Война открывала в людях потайную дверь, выпуская все то, что скрывалось внутри. И в отсутствие демона, стерегущего эту дверь, общая энтропия мира возрастала.

Это война, не так ли?

* * *

Такако парила над своим телом. Морпехи уже ушли, потеряв к ней интерес. Она без грусти посмотрела на себя со стороны, затем отвела взгляд.

Флаг, грязный и истрепанный, реял на ветру так же гордо.

Девушка подлетела к нему ближе. Она вплетется в его ткань, в красные, белые и синие нити. Уляжется среди звезд и обнимет полосы. Флаг отвезут обратно в Америку, и она отправится вместе с ним.

– Нмаридзима, – сказала Такако. «Я возвращаюсь домой».

Перерожденный

Каждому из нас кажется, что есть единственный «я», которому все подвластно. Однако на самом деле это иллюзия, которую с большим трудом создает головной мозг...

Стивен Пинкер¹⁵, «Чистый лист»

Я помню свое Перерождение. Полагаю, именно так чувствует себя рыба, брошенная обратно в море.

«Судный корабль» медленно проплывает над набережной Бостонской бухты, его металлический корпус-диск сливается с ночным небом, затянутым облаками, выпуклая верхняя часть похожа на живот беременной женщины.

Размерами корабль – со старинное здание Федерального суда на земле. Вокруг него – корабли сопровождения; меняющиеся огни на их корпусах временами образуют причудливые узоры, похожие на лица.

Зрители вокруг меня умолкают. Судный день, проходящий раз в четыре года, по-прежнему привлекает большие толпы народа. Я обвожу взглядом задранные вверх лица. Большинство равнодушны, на некоторых застыл благоговейный восторг. Кто-то со смехом перешептывается друг с другом. Я посматриваю на них, но без особого внимания. Нападений не было уже много лет.

– Летающая тарелка! – говорит один из зевак излишне громко. Остальные спешат отойти от него подальше. – Проклятая летающая тарелка!

Толпа оставила прямо под «Судным кораблем» свободное место. В середине стоят наблюдатели-таунинцы, готовые встретить Перерожденного. Но Кая, моего сожителя, среди них нет. Оно сказала мне, что в последнее время уже с лихвой насмотрелось на Перерождения.

Как-то Кай объяснило мне, что формы «Судного корабля» – это дань уважения местным традициям, воспроизведение наших былых представлений о маленьких зеленых человечках и «Плана 9 из открытого космоса»¹⁶.

«Это все равно как ваше старое здание суда было возведено с куполом на крыше, изображающим маяк, путеводный огонь правосудия, в качестве знака уважения морскому прошлому Бостона».

Обычно таунинцы не интересуются историей, однако Кай предпринимало определенные усилия, чтобы познакомиться с прошлым местного населения.

Я медленно прохожу сквозь толпу, приближаясь к перешептывающейся группе. Все они в длинных пальто из плотной ткани – идеальных для того, чтобы спрятать оружие.

Вершина «беременного» на вид «Судного корабля» открывается, и вертикально вверх вырывается яркий луч золотистого света, отражаясь на землю от черных туч мягким сиянием, не дающим теней.

По всему периметру «Судного корабля» открываются круглые люки, и из них выпадают, разматываясь, длинные скрученные канаты. Они вытягиваются, колышутся и извиваются подобно щупальцам. Теперь «Судный день» похож на медузу, плавающую в воздухе.

На конце каждого каната – надежно закрепленный за крючок, расположенный на спине между лопатками, человек, словно рыбина, попавшаяся за таунинским портом. Канаты мед-

¹⁵ Пинкер, Стивен (род. 1954) – канадско-американский ученый и популяризатор науки, специализирующийся в области экспериментальной психологии, психолингвистики и когнитивных наук (прим. пер.).

¹⁶ «План 9 из открытого космоса» – американский низкобюджетный фантастический фильм ужасов 1959 года, многими критиками считается «худшей постановкой за всю историю кинематографа» (прим. пер.).

ленно расправляются, приближаясь к земле, а фигурки на их концах неспешно шевелят руками и ногами, принимая изящные позы.

Я уже почти достиг небольшой группы перешептывающихся. Один из них – тот, который только что слишком громко высказался про летающую тарелку, – засунул руку за отворот толстого пальто. Я ускоряю шаг, расталкивая людей в стороны.

– Бедолаги, – бормочет мужчина с рукой за пазухой, глядя на Перерожденных, возвращающихся домой и приближающихся к свободному пространству в центре толпы. Я вижу, как у него на лице появляется решимость фанатика, ксенофоба, готового убить.

Перерожденные практически добрались до земли. Мой подопечный ждет, когда отсоединятся канаты, связывающие Перерожденных с «Судным кораблем», чтобы их больше нельзя было снова поднять наверх, пока они еще неуверенно держатся на ногах, не зная, кто они такие.

Все еще невинные.

Я очень хорошо помню это мгновение.

У моего подопечного поднимается правое плечо: он пытается что-то достать из-за пазухи пальто. Я отталкиваю в стороны двух стоящих передо мной женщин и прыгаю вперед с криком «Ни с места!».

И тут весь мир замедляется. Земля под Перерожденными взмывается вверх, словно при извержении вулкана, и их вместе с наблюдателями-таунинцами швыряет в воздух; они беспомощно машут руками, будто марионетки, которым перерезали нити. Я налетаю на стоящего передо мной мужчину, и волна горячего света заслоняет все остальное.

* * *

На то, чтобы разобраться с задержанным мною подозреваемым и перебинтовать мои раны, уходит несколько часов. Когда мне наконец разрешают идти домой, уже за полночь.

Из-за только что введенного комендантского часа улицы Кембриджа тихи и пустынно. У Гарвард-сквер собралась флотилия полицейских машин, десяток мигалок пульсируют вразнобой. Я останавливаюсь, опускаю стекло и предъявляю свой значок.

Круглолицый молоденький полицейский шумно втягивает воздух. Возможно, имя Джошуа Реннон для него ничего не значит, но он видит черную точку в верхнем правом углу моего значка, точку, которая дает мне право входить в строго охраняемый таунинский жилой комплекс.

– Плохой сегодня день, – говорит полицейский. – Но не беспокойтесь, мы перекрыли все улицы, ведущие к вашему дому.

Он старается произнести «к вашему дому» как можно небрежнее, однако в его голосе сквозит возбуждение. «Он один из *них*. Он живет вместе с *ними*».

Полицейский не отходит от машины.

– Если можно, скажите, как продвигается расследование? – Он буквально пожирает меня глазами; его любопытство настолько сильно, что буквально осязаемо на ощупь.

Я понимаю, что на самом деле ему хочется спросить: «На что это похоже?»

Я устремляю взгляд прямо перед собой и поднимаю стекло.

Через какое-то мгновение полицейский отходит в сторону, и я нажимаю на газ с такой силой, что слышится визг покрышек. Машина срывается с места.

* * *

Обнесенный забором комплекс располагается на бывшей территории Рэдклиффского колледжа.

Я открываю дверь в нашу квартиру и вздрагиваю от мягкого золотистого света, который предпочитает Кай. Этот свет напоминает мне о событиях сегодняшнего дня.

Кай в гостиной, сидит на диване.

– Извини, что не позвонил.

Кай поднимается во весь рост в восемь с лишним футов и раскрывает свои объятия, его черные глаза смотрят на меня, словно глаза тех гигантских рыб, что плавают в огромном аквариуме Новой Англии. Я обнимаю его, вдыхаю его аромат, смесь цветов и ароматических специй, запах чужого мира и дома.

– Ты слышало?

Вместо ответа оно нежно раздевает меня, осторожно прикасаясь к бинтам. Я закрываю глаза и не сопротивляюсь, чувствуя, как слой за слоем спадает одежда.

Когда я остаюсь полностью раздетым, я поднимаю голову, и оно целует меня, запуская мне в рот свой теплый и соленый круглый язык. Я обнимаю его и нащупываю на затылке длинный шрам, чьей истории не знаю – и не пытаюсь ее узнать.

Затем Кай обхватывает мне голову первичными руками, прижимая мое лицо к своей мягкой груди, которая вся в пушку. Его третичные руки, сильные и ловкие, обвивают мою талию. Кончики его ловких и чувствительных вторичных рук нежно ласкают мне плечи, затем находят мой таунинский порт, аккуратно раздвигают кожу и проникают внутрь.

В момент контакта я ахаю. Я чувствую, как мои члены напрягаются, затем полностью расслабляются, позволяя сильным рукам Кая удерживать мой вес. Я закрываю глаза, чтобы насладиться тем, как мое тело воспринимается органами чувств Кая. Тем, как теплая кровь, разливающаяся по кровеносным сосудам, образует светящуюся карту пульсирующих красных и золотых прожилок на фоне более холодной синеватой кожи на спине и ягодицах; тем, как мои волосы щекочут чувствительную кожу его первичных рук; тем, как мои беспорядочные мысли постепенно смягчаются и становятся невнятными, откликаясь на его нежные, целенаправленные ласки. Теперь мы с Каем связаны так интимно близко, как только могут быть связаны два рассудка, два тела.

«Вот на что это похоже», – думаю я.

«Не обращай внимания на их невежество», – думает оно.

Я мысленно воспроизвожу события сегодняшнего дня: мое высокомерное и беспечное отношение к своим обязанностям, удивление от взрыва, горе и сожаление при виде погибших Перерожденных и таунинцев. Беспомощную ярость.

«Ты их найдешь», – думает оно.

«Обязательно найду!»

Затем я чувствую, как оно прижимается ко мне всем своим телом, шесть его рук и две ноги исследуют, ласкают, хватают, стискивают, проникают. И я откликаюсь на его движения, мои руки, губы, ноги мечутся по его холодной коже так, как, насколько я уже успел выяснить, ему нравится, его наслаждение такое же красноречивое и сильное, как и мое собственное.

Мысли становятся такими же ненужными, как и слова.

* * *

Крошечная комната для допросов в подвале здания Федерального суда навевает клаустрофобию. Это самая настоящая клетка.

Я закрываю за собой дверь и вешаю куртку. Я не боюсь повернуться к подозреваемому спиной. Адам Вудс сидит, поставив руки на стол из нержавеющей стали и закрыв лицо ладонями. В нем больше не осталось сил бороться.

– Я специальный агент Джошуа Реннон, Бюро защиты таунинцев. – Я по привычке предъявляю свой значок.

Вудс поднимает на меня пустые глаза, налитые кровью.

– Ваша прежняя жизнь закончена, как, уверен, вы сами прекрасно понимаете. – Я не зачитываю ему его права и не говорю, что он может пригласить адвоката: это все формальности менее цивилизованной эпохи. Никакие адвокаты больше не нужны – больше нет судебных процессов, нет никаких полицейских штучек.

Вудс смотрит на меня, и его взгляд наполнен ненавистью.

– На что это похоже? – едва слышно спрашивает он. – Когда тебя каждую ночь трахает один из них?

Я отвечаю не сразу. Вряд ли Вудс при таком беглом взгляде успел рассмотреть черную точку у меня на значке. Затем до меня доходит, что я, вешая куртку, повернулся к нему спиной и он мог разглядеть под рубашкой очертания таунинского порта. Он понял, что я один из Перерожденных, и разумно предположил (его догадка оказалась верной), что человек, у которого открыт порт, связан с кем-то из таунинцев.

Я не клюю на эту наживку. Я вдоволь насмотрелся на ксенофобию, которая толкает таких, как Вудс, убивать.

– После операции вы пройдете всестороннее обследование. Но если вы сознаетесь прямо сейчас и сообщите полезную информацию о своих сообщниках, после Перерождения вы получите хорошую работу, у вас будет полноценная жизнь и вы сохраните воспоминания о большинстве своих родственников и друзей. Однако если вы солжете или ничего не скажете, мы все равно узнаем то, что нам нужно, а вас отправят в Калифорнию убирать радиоактивные отходы, с абсолютно чистым сознанием. И все те, кому вы были дороги, забудут вас начисто. Выбирать вам.

– С чего вы взяли, что у меня были сообщники?

– Я видел вас в момент взрыва. Вы его ждали. Я считаю, ваша задача заключалась в том, чтобы, воспользовавшись последовавшим за взрывом смятением, убить как можно больше таунинцев.

Вудс с неутраченной ненавистью продолжает смотреть мне в лицо. Затем ему внезапно приходит в голову какая-то мысль.

– Вы ведь были Перерождены не один раз, правильно?

Я напрягаюсь.

– Как вы догадались?

– Чистое предположение, – улыбается Вудс. – Вы стоите и сидите чересчур прямо. Что вы совершили в последний раз?

Мне следовало быть готовым к этому вопросу, однако он застаёт меня врасплох. Через два месяца после Перерождения я по-прежнему еще сырой, не в своей тарелке.

– Вы знаете, что я не могу ответить на этот вопрос.

– Вы ничего не помните?

– Из меня вырезали гниль, – говорю я. – Точно так же, как она будет вырезана из вас. Джоша Реннона, который совершил тот проступок, неизвестно какой, больше не существует, и совершенно справедливо, что проступок его также забыт. Таунинцы – народ сострадательный и милосердный. Они удаляют из меня и вас только то, что действительно ответственно за преступления, – *mens rea*¹⁷, злую волю.

– «Народ сострадательный и милосердный», – повторяет Вудс. И я вижу у него в глазах кое-что новое: жалость.

Внезапно меня охватывает ярость. Это *его* нужно жалеть, а не меня! Прежде чем Вудс успевает поднять руки, я набрасываюсь на него и бью кулаком в лицо – один раз, два, три – со всей силы.

¹⁷ В переводе с лат. яз. «преступное намерение» (прим. пер.).

Из его разбитого носа течет кровь, руки у него дрожат. Он не произносит ни звука, но продолжает смотреть на меня – спокойно, с сожалением.

– Моего отца убили у меня на глазах, – говорит Вудс. Он оттирает кровь с губ и трясет рукой, избавляясь от нее. Капельки крови попадают мне на рубашку – ярко-алые бисеринки на белой ткани. – Мне было тринадцать лет, я прятался в сарае во дворе. В щель в двери я увидел, как отец замахнулся на одного из них бейсбольной битой. Одной рукой существо отбило удар, другой парой рук схватило его за голову и буквально оторвало ее. Затем они сожгли мою мать. Я никогда не забуду запах паленой плоти.

Я стараюсь успокоить участившееся дыхание. Стараюсь видеть сидящего передо мной человека так, как это делают таунинцы: разделенным. Есть перепуганный ребенок, которого еще можно спасти, и есть озлобленный, разъяренный мужчина, которого спасти уже нельзя.

– Это произошло больше двадцати лет назад, – говорю я. – То было темное, ужасное, смутное время. С тех пор мир шагнул далеко вперед. Таунинцы принесли извинения и постарались искупить свою вину. Вам следовало обратиться к консультанту. Вам вживили бы порт, и все эти болезненные воспоминания были бы удалены. И ваша жизнь стала бы свободна от призраков прошлого.

– Я *не хочу* освобождаться от этих призраков! Вам такое не приходило в голову? Я не хочу забывать. Я солгал и сказал, что ничего не видел. Я не хотел, чтобы мне залезли в сознание и похитили мои воспоминания. Я хочу отмщения.

– Отмщения не будет. Таунинцев, совершивших это, больше нет. Они получили по заслугам, были наказаны забвением.

– «Наказаны», говорите вы, – смеется Вудс. – Таунинцы, совершившие все те преступления, – это те же самые таунинцы, которые сегодня расхаживают здесь, проповедуя всеобщую любовь и будущее, в котором таунинцы и люди живут в полной гармонии. Однако из того, что они способны так *кстати* забывать, еще не следует, что и мы тоже должны забывать.

– У таунинцев нет цельного сознания...

– Вы говорите так, словно не потеряли во время Завоевания никого из близких. – Вудс повышает голос, и сожаление переходит в нечто более черное. – Ты говоришь как коллаборационист! – Он плюет в меня, и я ощущаю на лице между губами кровь – теплую, сладковатую, с привкусом ржавчины. – Ты даже не знаешь, что они у тебя отняли!

Я выхожу из комнаты и закрываю за собой дверь, прерывая поток ругательств.

* * *

Я выхожу из здания суда, и на улице меня встречает Клэр из технического отдела. Ее люди вчера вечером уже обследовали место преступления и все зафиксировали, но мы все равно обходим вокруг воронки, выполняя старомодный визуальный осмотр, на тот маловероятный случай, если ее машины что-то упустили.

Что-то упустили. Чего-то не хватало.

– Сегодня около четырех часов утра один из раненых Перерожденных умер в больнице, – говорит Клэр. – Это доводит общее число погибших до десяти: шестеро таунинцев и четверо Перерожденных. Не так плохо, как то, что произошло в Нью-Йорке два года назад, но определенно самая кровавая бойня в Новой Англии.

Клэр – миниатюрная, с острыми чертами лица и быстрыми, порывистыми движениями, вызывающими у меня в памяти воробья. Как единственные сотрудники БЗТ бостонского отделения, состоящие в браке с таунинцами, мы сблизились друг с другом. Про нас шутят, что мы «супруги по работе».

Я никого не потерял во время Завоевания.

Кай стоит рядом со мной на похоронах моей матери. Ее лицо в гробу спокойное, умиротворенное.

Кай нежно прикасается к моему плечу, подбадривая меня. Я хочу сказать ему, чтобы оно не слишком переживало. Кай так старалось спасти мою мать (точно так же, как до того старалось спасти моего отца), однако человеческий организм такой хрупкий, и мы до сих пор не знаем, как эффективно использовать инновации, которым нас обучили тауниинцы.

Мы обходим вокруг горы мусора, сцементированные расплавленным асфальтом. Я пытаюсь совладать со своими мыслями. Вудс вывел меня из себя.

– Что у тебя есть по взрывателю? – спрашиваю я.

– Довольно сложная штукавина, – говорит Клэр. – Если судить по уцелевшим частям, это был магнитометр, подсоединенный к цепи таймера. Насколько можно предположить, магнитометр сработал на присутствие поблизости большой массы железа, такой как «Судный корабль». А уже это запустило таймер, настроенный сработать в тот самый момент, когда Перерожденные коснутся земли. Тут нужны были достаточно точные данные о массе «Судного корабля»; в противном случае взрыватель сработал бы на другие яхты и грузовые корабли, проплывающие над Причалом.

– Также были нужны знания о том, как работает «Судный корабль», – добавляю я. – Необходимо было знать, сколько Перерожденных должны были быть там вчера, и рассчитать, сколько времени потребуется на то, чтобы провести церемонию и спустить их на землю.

– Определенно, это потребовало тщательного планирования, – соглашается Клэр. – Мы имеем дело не с одиночкой. Это разветвленная террористическая организация.

Она останавливает меня. С этого места дно воронки, оставленной взрывом, видно как на ладони. Воронка значительно меньше размером, чем я предполагал. Тот, кто это устроил, использовал направленную взрывчатку, энергия которой ушла вверх, – предположительно, чтобы минимизировать воздействие на толпу вокруг.

Толпа.

Непрощеным приходит детское воспоминание.

Осень, прохладный воздух, запах моря и чего-то горящего. Бурлящая многолюдная толпа, но все ведут себя тихо. Те, кто находится с краю, стараются протиснуться в середину, тогда как те, кто в центре, выбираются наружу, словно колония муравьев, копошащихся вокруг дохлой птицы. Наконец я проталкиваюсь в середину, где в нескольких бочках из под бензина пылают яркие костры.

Я сую руку в карман куртки и достаю конверт. Открыв конверт, я протягиваю мужчине, стоящему у одной из бочек, пачку фотографий. Тот быстро просматривает фотографии, отбирает несколько, а остальные возвращает мне.

– Можешь оставить эти себе и встать в очередь на операцию, – говорит мужчина.

Я просматриваю фотографии в руке. Мама держит на руках меня-младенца. Я сижу у папы на плечах на ярмарке. Мы с мамой спим в одинаковых позах. Папа и мама играют со мной в настольную игру. Я в костюме ковбоя, мама стоит сзади и завязывает платок, закрывающий мне лицо.

Мужчина швыряет остальные фотографии в бочку, и я поворачиваюсь к ней, стараясь разглядеть, что на них, до того, как их охватит огонь...

– Все в порядке?

– Да, – рассеянно отвечаю я. – Последствия взрыва.

Клэр я могу доверять.

– Слушай, – говорю я, – ты когда-нибудь задумываешься о том, чем занималась до Перерождения?

Клэр пристально смотрит на меня. Не моргая.

– Джош, не сворачивай на эту дорожку. Подумай о Кае. Подумай о своей жизни, о той настоящей жизни, какая у тебя сейчас.

– Ты права, – соглашаюсь я. – Просто Вудс немного вывел меня из себя.

– Возможно, тебе следует отдохнуть несколько дней. От тебя не будет никакого толка, если ты не сможешь сосредоточиться.

– Все будет отлично.

Клэр бросает на меня скептический взгляд, но не настаивает. Она понимает, что я сейчас испытываю. Кай сможет прочитать у меня в сознании чувства вины и сожаления. Наши с ним отношения предельно откровенны, и спрятаться в них негде. Мне невыносима мысль, что я буду сидеть дома в безделье, а Кай будет пытаться меня утешить.

– Как я говорила, – продолжает Клэр, – месяц назад строительная компания «У. Г. Тернер» уложила здесь новое покрытие. Вероятно, именно тогда была установлена бомба; наверняка Вудс был одним из рабочих. Тебе нужно начать с этого.

* * *

Женщина оставляет на столе передо мной коробку с документами.

– Это список всех инженеров и рабочих, которые занимались укладкой нового покрытия на аллее, ведущей к зданию Федерального суда.

Она поспешно уходит прочь, словно я заразный, и готова обменяться с сотрудником БЗТ лишь абсолютным минимумом слов.

Полагаю, я действительно заразный в каком-то смысле. После того как я Переродился, всем тем, кто был близок со мной, кому было известно, что я сделал, чьи знания обо мне отчасти формировали личность Джошуа Реннона, также должны были вживить порт, а их воспоминания должны были удалить – в рамках моего Перерождения. Мои преступления, какими бы они ни были, инфицировали всех этих людей.

Я даже не знаю, кто они.

Напрасно я предаюсь подобным мыслям. Это вредно для здоровья – останавливаться на своей прошлой жизни, жизни мертвеца.

Я просматриваю списки один за другим и ввожу имена в телефон, чтобы алгоритмы Клэр проверили их по миллионам баз данных, просеяли антитаунинские форумы и ксенофобские сайты в поисках совпадений.

Однако я все равно внимательно читаю документы, строчку за строчкой. Иногда человеческий мозг может найти связь, которую пропустят компьютеры Клэр.

Компания «У. Г. Тернер» работала аккуратно. Все соискатели проходили тщательный отбор, и алгоритмы не нашли в их прошлом ничего подозрительного.

Через какое-то время имена сливаются в сплошное месиво: Келли Айкхофф, Хью Рейкер, София Ледей, Уокер Линкольн, Хулио Костас...

Уокер Линкольн.

Я возвращаюсь к анкете. На фотографии белый мужчина лет тридцати с небольшим. Узкие глаза, редящие волосы, перед объективом не улыбается. Вроде бы ничего примечательного. Мужчина кажется мне совершенно незнакомым.

И все же есть в его имени что-то такое, отчего я колеблюсь.

Фотографии горят в пламени.

На самой верхней – мой отец, стоящий перед нашим домом. Он держит винтовку, лицо у него угрюмое. Когда пламя поглощает его, я успеваю заметить в углу фотографии знак, обозначающий пересечение двух улиц.

Уокер и Линкольн.

Я ловлю себя на том, что меня бьет озноб, хотя обогреватель в кабинете включен на максимум.

Я беру телефон и запрашиваю составленное компьютером досье на Уокера Линкольна. Данные по кредитным карточкам, распечатка телефонных звонков, история поисковых запросов, присутствие в интернете, характеристики с работы и учебы. Алгоритмы не обнаружили ничего необычного. Уокер Линкольн производит впечатление образцового «среднего гражданина».

Мне еще ни разу не приходилось встречать личное дело, в котором маниакально подзвучивающие алгоритмы Клэр не нашли бы никаких шероховатостей. Уокер Линкольн чересчур идеален.

Я изучаю распечатку покупок по его кредитной карточке: древесный уголь, жидкость для розжига, мангал.

Затем, примерно пару месяцев, ничего.

* * *

Пальцы Кая уже готовы проникнуть мне в порт, но я останавливаю его.

– Пожалуйста, не сегодня.

Вторичные руки Кая застывают, колеблются, затем нежно проводят по моей спине. Оно отступает. Его глаза смотрят на меня, в полумраке квартиры подобные двум бледным лунам.

– Извини, – говорю я. – У меня голова занята, неприятные мысли. Я не хочу тебя обременять.

Кай кивает – этот чисто человеческий жест кажется совершенно не к месту. Я признателен его стараниям улучшить мне настроение. Оно всегда относится ко мне с пониманием.

Кай уходит, оставляя меня обнаженным посреди комнаты.

* * *

Домохозяйка утверждает, что ей абсолютно ничего не известно о жизни Уокера Линкольна. Квартплата (в этой части Чарльзтауна отвратительно низкая) переводится прямо на счет первого числа каждого месяца, домохозяйка в глаза не видела Линкольна с тех пор, как он поселился у нее четыре месяца назад. Я предъявляю свой значок, и она дает мне ключ от его квартиры и молча провожает взглядом, пока я поднимаюсь по лестнице.

Я отпираю дверь и зажигаю свет; меня встречает картинка из каталога мебельного салона: белый диван, кожаный пуфик, стеклянный кофейный столик с аккуратной стопкой журналов, абстрактные картины на стенах. Везде полный порядок, все вещи на своих местах. Я принимаюсь: здесь не пахнет ни готовкой, ни моющими средствами, ни дезодорантом – обычной смесью запахов в помещении, где живут люди.

Квартира кажется одновременно знакомой и незнакомой, словно я переживаю дежавю.

Я прохожу по квартире, открывая двери. В шкафах и спальне такой же идеальный порядок, как и в гостиной. Абсолютно безликий, абсолютно нереальный.

Солнечный свет, проникающий в окна вдоль западной стены, образует на сером ковре четкие параллелограммы. Золотистый – любимый оттенок Кая.

Однако повсюду тонкий слой пыли, накопившейся за месяц, а то и за два.

Уокер Линкольн – призрак.

Наконец я оборачиваюсь и вижу то, что висит на входной двери, – маску.

Я беру ее, надеваю и захожу в ванную.

Мне хорошо знакомы такие маски. Они изготавливаются из мягких, податливых программируемых волокон на основе таунинских технологий; из этого же самого материала делают

стропы, на которых Перерожденных спускают обратно в мир. Активируемая теплом человеческого тела маска принимает запрограммированную заранее форму. Какими бы ни были черты лица под ней, она создает внешнее подобие лица, заложенного в ее память. Использовать подобные маски имеют право только сотрудники правоохранительных органов. Мы иногда пользуемся такими, чтобы внедриться в ксенофобские ячейки.

В зеркале я вижу, как холодные волокна маски постепенно оживают, словно тело Кая от моего прикосновения, растягивая и сжимая мягкие ткани и мышцы у меня на лице. На какое-то мгновение мое лицо превращается в бесформенное месиво, напоминающее чудовище из кошмарного сновидения.

Затем бурлящее движение прекращается, и я вижу в зеркале лицо Уокера Линкольна.

* * *

После того как я Переродился, первым, что я увидел, было лицо Кая.

То было лицо с черными рыбьими глазами и кожей, пульсирующей так, словно под ней копошились крошечные черви. Сжавшись от страха, я попытался попятиться назад, но отступить было некуда. Подо мной была стальная доска.

Кожа вокруг глаз Кая сжалась и снова растянулась – я не мог понять эту чуждую гримасу. Оно отступило назад, оставляя мне свободное пространство.

Я медленно уселся и огляделся вокруг. Я находился на узкой стальной полке, закрепленной на стене крошечной камеры. Свет был слишком ярким. Меня захлестнула тошнота. Я закрыл глаза.

На меня накатило мощное цунами образов, обработать которые я не смог. Лица, голоса, события, стремительно сменяющие друг друга. Я открыл рот, чтобы закричать.

И Кай мгновенно бросилось на меня. Оно обхватило своими первичными руками мою голову, удерживая меня на месте. Меня обволокла смесь цветочных ароматов, и воспоминание об этом внезапно появилось из хаоса у меня в сознании. Запах дома. Я вцепился в него, словно потерпевший кораблекрушение в доску в бурном море.

Оно обвило меня своими вторичными руками, похлопывая по спине, ища порт. Я ощутил, как оно проникло в дыру у меня в спине, в рану, о существовании которой я не подозревал, и мне захотелось кричать от боли...

...И вдруг хаос у меня в сознании улегся. Я смотрел на окружающий мир глазами и сознанием Кая: я видел свое собственное тело, обнаженное, дрожащее.

«Позволь помочь тебе».

Я сопротивлялся, но недолго. Оно оказалось слишком сильным, и я сдался.

«Что произошло?»

«Ты на борту «Судного корабля». Прежний Джош Реннон совершил что-то очень плохое и был наказан».

Я попытался вспомнить, что такое я сделал, но не смог восстановить в памяти ничего.

«Его больше нет. Нам пришлось вырезать его из твоего тела, чтобы тебя спасти».

У меня в сознании всплыло еще одно воспоминание, под мягким руководством течения мыслей Кая.

Я сижу в классе, в первом ряду. В окна вдоль западной стены проникает солнечный свет, образующий на полу четкие параллелограммы. Кай медленно расхаживает взад и вперед перед нами.

– Каждый из нас состоит из множества объединений воспоминаний, множества личностей, множества связных мыслей. – Голос доносится из коробки, надетой Каю на шею. Он звучит несколько неестественно, но мелодично и отчетливо. – Разве вы не изменяете свое поведение, свои жесты и даже свою речь в обществе друзей детства из родного городка по

сравнению с тем, как ведете себя со своими новыми друзьями из большого города? Разве вы не смеетесь иначе, не плачете иначе и даже не сердитесь иначе, когда вы со своими близкими родственниками, а не со мной?

При этих словах сидящие рядом ученики усмеваются, как и я. Кай проходит в противоположный конец класса и оборачивается, и мы с ним встречаемся взглядами. Кожа вокруг его глаз оттягивается назад, отчего они кажутся еще больше, а у меня горит лицо.

– Цельная личность – это заблуждение традиционной человеческой философии. Большие того, именно это заблуждение лежит в основе многих старых малообразованных обычаев. Так, например, преступник – это лишь одна личность, заключенная в общем теле вместе со многими другими. Убийца может при этом быть хорошим отцом, любящим мужем, братом, сыном; когда он лишает свою жертву жизни, он не тот, кто купает маленькую дочку, целует жену, утешает сестру и ухаживает за больной матерью. Однако прежняя человеческая система уголовного правосудия наказала бы всех этих людей вместе, без разбора, посадила бы их в тюрьму или даже убила бы. Коллективное наказание. Какое варварство! Какая жестокость!

Я представляю свое сознание таким, каким его описывает Кай: разделенным на части, принадлежащим разным личностям. Пожалуй, никакой другой человеческий институт таунинцы не презирают так сильно, как систему правосудия. И это презрение становится совершенно естественным в контексте их общения непосредственно от одного сознания к другому. У таунинцев нет друг от друга никаких секретов; между ними существует такая близость, о какой мы можем только мечтать. Концепция системы правосудия, настолько ограниченной непроницаемостью личности, что ей вместо прямого доступа к заключенной в рассудке правде приходится прибегать к ритуализированному соперничеству, должна казаться им самым настоящим варварством.

Кай смотрит на меня так, словно слышит мои мысли, хотя я знаю, что это невозможно без подключения к моему порту. Однако эта мысль доставляет мне радость. Я любимый ученик Кая.

Я заключил Кая в объятия.

«Мой учитель, мой возлюбленный, мой супруг! Я блуждал в потемках, но теперь я вернулся домой. Я начинаю вспоминать».

Я нащупал у него на затылке шрам. Оно вздрогнуло.

«Что с тобой произошло?»

«Я не помню. Не бери в голову».

Я осторожно погладил его, стараясь не задеть шрам.

«Перерождение – процесс сложный. Ваша биология развивалась не так, как наша, и разделить части вашего сознания, отделить друг от друга разные личности гораздо сложнее. Потребуется какое-то время на то, чтобы воспоминания улеглись. Тебе придется заново запоминать, заново учить пути, необходимые для того, чтобы опять в них разбираться, чтобы восстановить себя. Но теперь ты стал гораздо лучше, освободился от пораженных частей, которые нам пришлось удалить».

Я прильнул к Каю, и мы с ним стали собирать мои части вместе.

* * *

Я показываю Клэр маску и чересчур идеальный электронный профиль.

– Чтобы получить доступ к подобному оборудованию и создать вымышленного человека с таким убедительным следом всех необходимых электронных документов, необходимо занимать высокую должность и иметь необходимый допуск. Возможно, это даже кто-то из Бюро,

поскольку нам приходится подчищать электронные базы данных, чтобы стирать данные на Перерожденных.

Кусая губу, Клэр скептически смотрит на экран моего телефона и разглядывает маску.

– Такое крайне маловероятно. Всем сотрудникам Бюро вживлены порты, и они регулярно проверяются. Не представляю, как кто-либо из нас смог бы скрываться.

– Однако это единственное объяснение.

– Скоро мы все узнаем, – говорит Клэр. – Адаму Вудсу вживили порт. В настоящий момент Тау его проверяет. Через полчаса все будет готово.

Я буквально падаю в соседнее кресло. Накопившаяся за последние два дня усталость накрывает меня плотным одеялом. Я избегал прикосновений Кая по причинам, которых и сам не смогу объяснить. Мне кажется, будто меня отделили от самого себя.

Я мысленно приказываю себе не засыпать, хотя бы еще чуть-чуть.

Мы с Каем сидим на кожаном диванчике. Мы едва втиснулись, поскольку оно такое массивное. Камин – позади нас, и я чувствую затылком приятное тепло. Левые руки Кая ласково гладят меня по спине. Я напрягаюсь.

Напротив нас на белом диване сидят мои родители.

– Я еще никогда не видела Джоша таким счастливым! – говорит моя мать. Ее улыбка для меня такое облегчение, что мне хочется стиснуть ее в объятиях.

– Я рада, что вы так считаете, – через свой черный голосовой ящик говорит Кай. – Думаю, Джош волновался о том, как вы отнесетесь ко мне, к нам.

– Ксенофобы будут всегда, – говорит мой отец. Он словно задыхается. Я знаю, что однажды признаю в этом начало его болезни. Мое счастливое воспоминание приправляется ноткой печали.

– Были совершены ужасные вещи, – продолжает Кай. – Все мы это знаем. Но мы хотим смотреть в будущее.

– Как и мы, – соглашается мой отец. – Однако есть люди, застрявшие в прошлом. И они не могут принять настоящее.

Я обвожу взглядом комнату и отмечаю, какой здесь порядок. Ковер безукоризненно чистый, столик не завален хламом. На белом диване, на котором сидят родители, – ни пятнышка. Стекланный кофейный столик между нами пуст, если не считать искусно разложенных журналов.

Гостиная производит впечатление картинки из каталога мебельного магазина.

Вздвигнув, я просыпаюсь. Мои воспоминания стали такими же ненатуральными, как квартира Уокера Линкольна.

В дверях стоит Тау, супруг Клэр. Из изуродованных концов его вторичных рук сочится голубая кровь. Оно шатается.

Клэр мгновенно подбегает к нему.

– Что стряслось?

Вместо ответа Тау срывает с Клэр жакет и блузку, и их более толстые, менее деликатные первичные руки жадно, вслепую ищут у нее на спине таунинский порт. Найдя его, оно проникает наконец внутрь, и Клэр, ахнув, тотчас же обмякает.

Я отворачиваюсь от этой сцены интимной близости. Тау больно, и ему нужна Клэр.

– Мне пора идти, – говорю я, поднимаясь на ноги.

– Адам Вудс заминировал свою спину, – говорит через голосовую коробку Тау.

Я останавливаюсь.

– Когда я вживило ему порт, он, казалось, смирился с судьбой и был готов сотрудничать. Но как только я начало его проверять, сработало миниатюрное взрывное устройство, мгновенно его убив. Похоже, кое-кто из вас по-прежнему ненавидит нас так сильно, что предпочитает умереть, лишь бы не Перерождаться.

– Сожалею, – говорю я.

– А я-то как сожалею, – говорит Тау. Механический голос силится передать печаль, но мой настороженный слух улавливает в нем фальшь.

* * *

Таунинам нет особого дела до истории, и теперь нас она также не интересует.

И еще – они не умирают от старости. Никто не знает, сколько им лет – сто, тысяча, целая вечность? Кай туманно говорит о путешествии, которое продолжалось больше, чем вся история человечества.

«На что это было похоже?» – однажды спросил я.

«Не помню», – подумало оно.

Подобное отношение объясняется их биологическим строением. Мозговое вещество таунинов постоянно образуется в ядре, тогда как наружные слои периодически отбрасываются, словно змеиная кожа.

Обладая жизнью, которую по всем параметрам можно считать вечной, таунины оказывались бы переполнены бесконечным множеством накопленных воспоминаний. Неудивительно, что они мастерски овладели искусством забывать.

Воспоминания, которые таунины хотят сохранить, необходимо копировать в новые ткани: заново размечать, создавать, записывать. Но те воспоминания, которые они хотят оставить позади, при каждом новом цикле отбрасываются, словно оболочка куколки.

И таунины расстаются не только с воспоминаниями. Можно взять себе целую сформировавшуюся личность, выучить ее, как роль, а затем отбросить и забыть. Тауинец смотрит на себя до перемены и после перемены как на двух совершенно обособленных существ: разные личности, разные воспоминания, разные моральные обязательства. Они лишь последовательно владеют одним и тем же телом.

«И даже не одним и тем же телом», – мысленно поправило меня Кай.

«В смысле?»

«Приблизительно через год все до одного атомы твоего тела заменятся на другие, – подумало Кай. Это было еще тогда, когда мы только-только стали возлюбленными и на него частенько находило настроение читать нравоучительные лекции. – У нас это происходит еще быстрее».

«Подобно кораблю Тесея¹⁸, в котором со временем каждая доска была заменена на новую, так что он уже перестал быть тем же самым судном».

«Вечно ты ссылаешься на прошлое», – однако аромат его мысли был скорее снисходительным, чем критическим.

В ходе завоевания таунины вели себя крайне агрессивно, и мы отвечали им тем же. Подробности, разумеется, туманные. Таунины ничего не помнят, а большинство из нас помнить не хочет. По прошествии стольких лет Калифорния по-прежнему остается безлюдной.

Однако затем, после того как мы капитулировали, таунины отбросили агрессивные слои своего сознания – наказание за совершенные ими военные преступления – и стали самыми милосердными правителями. Теперь, убежденные пацифисты, они питают отвращение к наси-

¹⁸ *Корабль Тесея* (парадокс Тесея) – парадокс, который можно сформулировать так: «Если все составные части исходного объекта были заменены, остается ли объект тем же объектом?» Согласно греческому мифу, корабль, на котором герой Тесей вернулся с Крита в Афины, хранился афинянами и ежегодно отправлялся со священным посольством на остров Делос. Перед каждым плаванием осуществлялась починка корабля, при которой заменялась часть досок, в результате чего спустя некоторое время были заменены все доски; из-за этого среди философов возник спор о том, все ли это еще тот корабль или уже другой, новый? Кроме того, возникает вопрос: если бы все замененные доски были сохранены и из них был построен корабль, то какой из этих двух кораблей являлся бы настоящим? (*Прим. пер.*)

лию и с готовностью делятся с нами своими технологиями, лечат заболевания, творят волшебные чудеса. На Земле царит мир. Средняя продолжительность жизни людей значительно увеличилась, и дела у тех, кто готов работать на таунинцев, обстоят очень неплохо.

Таунинцы не испытывают чувства вины.

«Теперь мы другие, – подумало Кай. – Это также и наш дом. Однако кое-кто из вас вешает на нас грехи наших прежних личностей, которых больше нет в живых. Это все равно что считать сына ответственным за прегрешения отца».

«А что, если снова начнется война? – подумал я. – Что, если ксенофобы убедят остальных людей восстать против вас?»

«В таком случае мы, вероятно, снова изменимся – станем жестокими и беспощадными, какими были прежде. Для нас подобные перемены – физиологическая реакция на угрозу, неподвластная нашему контролю. Однако в таком случае эти будущие личности не будут иметь к нам никакого отношения. Отец не может отвечать за поступки своего сына».

Спорить с такой логикой трудно.

* * *

Лорен, подруга Адама Вудса, – молодая женщина с суровым лицом, которое несколько не изменяется, когда я сообщаю ей, что, поскольку родителей Адама нет в живых, она считается его ближайшей родственницей и должна забрать тело из участка.

Мы сидим друг напротив друга, нас разделяет кухонный стол. В крохотной квартире царит полумрак. Многие лампочки перегорели и так и не были заменены.

– Мне вживят порт? – спрашивает Лорен.

Теперь, после смерти Вудса, первоочередная задача – определить, кому из его родственников и друзей следует вживить порт (с надлежащими мерами предосторожности на предмет других заминированных спин), чтобы выяснить истинные масштабы заговора.

– Пока что не знаю, – говорю я. – Все зависит от того, насколько активно, на мой взгляд, вы будете сотрудничать со следствием. Адам не общался ни с кем подозрительным? Кто казался вам ксенофобом?

– Я ничего не знаю, – отвечает Лорен. – Адам был нелюдимым... Он мне ничего не рассказывал. Если хотите, можете вживить мне порт, но это будет пустой тратой времени.

Обычно такие люди, как она, приходят в ужас при мысли о том, что их тело подвергнется насилию, что им вживят порт. Деланое равнодушие Лорен лишь укрепляет мою подозрительность.

Словно почувствовав мой скептицизм, она меняет тактику.

– Мы с Адамом иногда курили «забыть» или принимали «блеск».

Лорен поворачивается и смотрит на рабочий стол. Проследив за ее взглядом, я вижу перед горой грязной посуды в мойке массу всяких приспособлений для употребления наркотиков, похожих на расставленные на сцене декорации. Из подтекающего крана капает вода, обеспечивая фоновое ритмичное сопровождение.

«Забыть» и «блеск» обладают сильным галлюциногенным действием. Недвусмысленный намек: сознание Лорен переполнено ложными воспоминаниями, поэтому, даже когда к нему будет обеспечен прямой доступ через порт, положиться на ее показания будет нельзя. Максимум мы сможем ее Переродить, но нам так и не удастся узнать ничего такого, что можно будет использовать против других. Ход неплохой. Вот только ложь получилась у Лорен недостаточно убедительной.

«Вы, люди, думаете, что вас определяют ваши действия, – как-то раз подумало Кай. Я помню, как мы лежали вместе в каком-то парке на траве и мне доставляло наслаждение ощущение

ние тепла солнечных лучей, согревающих его кожу, гораздо более чувствительную, чем моя. – Но на самом деле вас определяют ваши воспоминания».

«Разве это не одно и то же?» – подумал в ответ я.

«Разумеется, нет. Для того чтобы извлечь воспоминание, вы должны активировать цепочку нейронных связей, и этот процесс их изменит. Ваша биология такова, что при каждом таком извлечении вы также переписываете память. Ты никогда не обнаруживал, что какая-то деталь, которую ты так живо помнишь, на самом деле сфабрикована? Что на самом деле ты сам убедил себя в том, что события, привидевшиеся во сне, произошли в действительности? Что тебе рассказали какой-то вымысел, а ты поверил, будто это правда?»

«У тебя все получается таким непрочным».

«Скорее обманчивым. – Аромат у этой мысли Кая получился нежным. – Ты не можешь сказать, какие воспоминания реальные, а какие ложные, однако настаиваешь на том, что они важны, и в значительной степени строишь на них свою жизнь. Опора на историю не дала вашему виду ничего хорошего».

Лорен старательно не смотрит мне в глаза – вероятно, думая про Адама. Есть в ней нечто такое, что кажется мне знакомым, вроде полужабытого припева песни, которую я слышал в детстве. Мне нравится, как расслабляется ее лицо, когда она предается воспоминаниям. Я принимаю решение, что не буду вживлять ей порт.

Вместо этого я достаю из сумки маску и, пристально следя за лицом Лорен, надеваю ее. Маска согревается теплом моего тела, прилипает к лицу, придает форму мышцам и коже, и я ищу в глазах Лорен признаки того, что она ее узнала, а значит, Адам и Уокер были сообщниками.

Лицо Лорен снова становится напряженным и непроницаемым.

– Что вы делаете? Жутковатый какой-то вид!

– Так, обычная проверка, – разочарованно говорю я.

– Не возражаете, если я займусь подтекающим краном? Он меня жутко раздражает.

Я молча киваю и остаюсь сидеть, а Лорен встает и подходит к мойке. Еще один тупик. Неужели Вудс действительно провернул все это в одиночку? И кто такой Уокер Линкольн?

Меня пугает ответ, нечетко сформировавшийся в моем сознании.

Я замечаю, как что-то тяжелое стремительно приближается к моему затылку, но уже слишком поздно.

* * *

– Ты нас слышишь? – голос неестественный, искаженный каким-то электронным прибором. Странно, но он напоминает мне таунинский голосовой ящик.

Я молча киваю. Я сижу в темноте, руки у меня связаны за спиной. Что-то мягкое, шарф или галстук, туго завязано у меня на голове, закрывая глаза.

– Извини, что приходится действовать так. Будет лучше, если ты нас не увидишь. В этом случае, когда твой таунинец к тебе подключится, ты не сможешь нас выдать.

Я пробую веревки на запястьях. Они завязаны очень надежно. Избавиться от них самостоятельно невозможно.

– Вы должны немедленно прекратить все это! – говорю я, стараясь придать своему голосу как можно больше властности. – Я знаю: вы полагаете, что схватили коллаборациониста, предателя человеческой расы. Вы считаете это правосудием, справедливым возмездием. Но задумайтесь. Если вы сделаете со мной что-нибудь плохое, вас рано или поздно схватят и все ваши воспоминания об этом событии будут стерты. Что хорошего в отмщении, если вы даже не будете ничего помнить? Для вас этого как бы и не будет вовсе.

Электронные голоса смеются в темноте. Я не могу определить, сколько их, какие они – старые, молодые, мужчины, женщины.

– Отпустите меня.

– Отпустим, – говорит первый голос, – после того как ты прослушаешь вот это.

Я слышу щелчок нажатой клавиши, и затем звучит бестелесный голос:

– Привет, Джош! Вижу, ты нашел ключ к решению загадки.

Голос – мой собственный.

* * *

– ...Несмотря на обширные исследования, полностью стереть все воспоминания до сих пор никак не удастся. Подобно старому жесткому диску, сознание Перерожденного по-прежнему хранит следы этих старых нервных путей, спящих, ждущих нужного толчка...

Угол Уокер и Линкольн, мой старый дом.

Внутри разгром, мои игрушки разбросаны повсюду. Дивана нет, только четыре плетеных кресла вокруг старого деревянного кофейного столика, на крышке которого полно круглых пятен.

Я прячусь под креслом. В доме тихо, царит полумрак – это или раннее утро, или поздний вечер.

Снаружи доносится крик.

Я выбираюсь из-под кресла, подбегаю к двери и распахиваю ее настежь. У меня на глазах таунинец своими первичными руками поднимает высоко вверх моего отца. Вторичные и третичные руки обвиты вокруг отцовских рук и ног, обездвизживая его.

Позади таунинца на земле распростерто тело моей матери, неподвижное.

Таунинец дергает руками, и мой отец снова пытается закричать, однако у него в горле скопилась кровь и изо рта вырывается лишь бульканье. Таунинец снова дергает руками, и я вижу, как моего отца медленно разрывают на части.

Таунинец опускает взгляд на меня. Кожа вокруг его глаз растягивается и снова сжимается. Запах неизвестных цветов и специй такой сильный, что меня рвет.

Это Кай.

– ...Вместо настоящих воспоминаний они заполняют твой рассудок ложью. Состряпан-ными воспоминаниями, которые рассыпаются на части при ближайшем рассмотрении...

Кай подходит ко мне. Я сижу в клетке. Таких клеток много, и в каждой сидит человек. Сколько лет мы провели в темноте и изоляции, не имея возможности формировать осознанные воспоминания?

Никогда не было никакого ярко освещенного класса, философской лекции, косых солнечных лучей, проникающих в окна по западной стене, отбрасывая на полу ровные, четкие параллелограммы.

– Мы сожалеем о том, что так получилось, – говорит Кай. Его голос наконец реальный. Однако механические интонации опровергают смысл слов. – Мы уже давно это повторяем. Те, кто сделал все то, что, как ты утверждаешь, ты помнишь, – не мы. Какое-то время они были необходимы, но теперь они наказаны, устранены, забыты. Пора двигаться дальше.

Я плюю Каю в глаза.

Кай не вытирает мой плевок. Кожа вокруг его глаз сжимается, и оно отворачивается.

– Ты не оставляешь нам выбора. Мы должны сотворить тебя заново.

– ...Они говорят тебе, что прошлое осталось позади, умерло, его больше нет. Что они стали новыми и не отвечают за то, кем были прежде. И в этих утверждениях есть доля правды. Совокупляясь с Каем, я заглядываю в его сознание, и там не осталось ничего от того Кая, которое убило моих родителей, того Кая, которое издевалось над детьми, заставляло нас сжигать

свои старые фотографии, стирать все следы нашего прежнего существования, которые могли бы помешать тому, что таунинцы запланировали нам на будущее. Они действительно мастерски умеют забывать, как и утверждают, и это кровавое прошлое действительно кажется им чем-то бесконечно далеким и чуждым. У того Кая, который является моим возлюбленным, на самом деле другой рассудок: невинный, чистый, незапятнанный.

Но они продолжают ходить по костям твоих, моих, наших родителей. Продолжают жить в домах, отнятых у тех, кого убили. Продолжают осквернять правду отрицанием.

Кто-то из нас принял коллективную амнезию как плату за то, чтобы остаться в живых. Но не все. Я – это ты, и ты – это я. Прошлое не умирает – оно вытекает, просачивается, проступает, дожидаясь своего шанса хлынуть потоком. Ты – это твои воспоминания...

Первый поцелуй Кая – склизкий, грубый.

Первое проникновение Кая в меня. Первое вторжение его сознания в мое сознание. Ощущение полной беспомощности, когда со мной делают нечто такое, от чего я никогда не смогу избавиться и после чего я больше никогда не буду чистым.

Запах цветов и специй, запах, который я никогда не смогу забыть, от которого никогда не смогу избавиться, потому что он не просто проникает через мои ноздри – он укоренился глубоко у меня в сознании.

– ...Хотя вначале я старался проникнуть в среду ксенофобов, в конечном счете это они проникли в меня. Их подпольные архивы Завоевания, показания очевидцев, общие воспоминания в конце концов пробудили меня от спячки, позволив восстановить свое прошлое.

Узнав правду, я тщательно спланировал свое отмщение. Я понимал, что сохранить все это в тайне от Кая будет непросто. Но я кое-что придумал. Поскольку я состою с Каем в браке, в отличие от других сотрудников БЗТ, я не подвергаюсь регулярным проверкам. Жалуясь на плохое самочувствие и избегая интимной близости с Каем, я мог полностью уклоняться от проверок, по крайней мере какое-то время.

Я создал другую личность, носил маску, поставляя ксенофобам то, что им требовалось для достижения своих целей. Все мы носили маски – на тот случай, если кого-нибудь из заговорщиков схватят, ведь так проверка его сознания не разоблачит остальных.

Маски, которые я ношу, чтобы проникнуть в среду ксенофобов, – это те маски, которые я раздаю своим собратьям-заговорщикам...

– Затем я приготовил в своем сознании неприступную крепость на случай своего неизбежного ареста и последующего Перерождения. Я в мельчайших подробностях вспоминал гибель своих родителей, снова и снова прокручивая события, до тех пор пока они не запечатлелись навечно у меня в памяти, до тех пор пока я не убедился в том, что Кай, которое наверняка вызовется готовить меня к Перерождению, вздрогнет от ярких, живых образов и, охваченное отвращением при виде крови и насилия, остановится и не станет проникать в мое сознание слишком глубоко. Оно уже давным-давно забыло то, что совершило, и нисколько не хотело, чтобы ему об этом напоминали.

Уверен ли я в том, что мои воспоминания верны во всех деталях? Нет, не уверен. Я восстановил их через неясный фильтр детского разума, и, несомненно, их подправили, окрасили воспоминания всех тех, кто остался в живых. Наши воспоминания перетекают от одного человека к другому, образуя коллективную ненависть. Таунинцы скажут, что эти воспоминания не более реальны, чем те, которые ввели нам они сами, но забыть – гораздо более тяжкий грех, чем помнить слишком хорошо.

Для того чтобы еще больше замести следы, я взял фрагменты ложных воспоминаний, внедренных таунинцами, и создал из них реальные, чтобы Кай, когда препарировало мое сознание, не смогло бы отличить свою собственную ложь от моей.

Эта лживая, чистая, до боли аккуратная гостиная моих родителей воссоздается и превращается в комнату, в которой я встречаюсь с Адамом и Лорен...

Солнечный свет проникает в окна по западной стене и образует на полу четкие параллелограммы...

«Ты не можешь сказать, какие воспоминания реальные, а какие ложные, однако настаиваешь на том, что они важны, и строишь на них свою жизнь».

– И вот сейчас, когда я уверен, что план приведен в действие, но не знаю достаточно подробностей, чтобы сорвать его, если меня подвергнут проверке, я собираюсь убить Кая. У меня крайне мало шансов на успех, да и Кай, вне всякого сомнения, захочет Переродить меня, чтобы стереть этого меня – не всего, но достаточно, чтобы продолжалась наша совместная жизнь. Моя жизнь защитит моих товарищей, поможет им одержать победу.

Однако что хорошего в возмездии, если я этого не увижу, если ты, Перерожденный я, не сможешь ничего вспомнить, не познаешь удовлетворение от успеха? Вот почему я спрятал улики, оставил следы, подобные дорожке из хлебных крошек, – чтобы ты шел по ней до тех пор, пока не вспомнишь и не поймешь, что ты сделал.

Адам Вудс, который, в конце концов, не так уж и отличался от меня... Его воспоминания послужили толчком, чтобы пробудить мои собственные...

Я покупаю вещи, чтобы когда-нибудь они во мне другом пробудили воспоминания о пожаре...

Маска, чтобы другие помнили меня...

Уокер Линкольн.

* * *

Когда я возвращаюсь к участку, Клэр ждет меня на улице. В тени позади нее стоят двое. А еще дальше громоздится неясная фигура Кая.

Я останавливаюсь и оборачиваюсь. У меня за спиной по улице идут еще двое, перекрывая путь к отступлению.

– Все плохо, Джош, – говорит Клэр. – Тебе следовало бы прислушаться ко мне насчет воспоминаний. Кай сказала нам, что у него возникли подозрения.

В темноте я не могу разглядеть глаза Кая. Я направляю свой взор на расплывчатую тень, возвышающуюся у Клэр за спиной.

– Кай, ты не хочешь сказать это само?

Тень замирает, затем в полумраке трещит механический голос, так сильно отличающийся от того голоса, ласкавшего мое сознание, к которому я так привык.

– Мне нечего тебе сказать. Моего Джоша, моего возлюбленного, больше не существует. Его забрали призраки, он уже утонул в памяти.

– Я по-прежнему здесь, но только теперь я цельный.

– Это твое упорное заблуждение, которое нам, похоже, так и не удалось исправить. Я не то Кай, которого ты ненавидишь, и ты не тот Джош, которого я люблю. Мы не являемся суммой нашего прошлого. – Какое-то время оно молчит. – Надеюсь, скоро я увижу моего Джоша.

Кай удаляется в участок, оставляя меня на суд и на казнь.

Полностью сознавая тщетность этого, я все равно пытаюсь поговорить с Клэр.

– Клэр, ты же понимаешь, что я должен помнить!

Лицо у нее грустное и усталое.

– Ты полагаешь, что ты единственный, кто потерял своих близких? Мне вживили порт всего пять лет назад. Когда-то у меня был муж. Похожий на тебя. Не мог смириться. Из-за него мне вживили порт, и я прошла Перерождение. Но, поскольку я сознательно предприняла усилия забыть, оставить прошлое в покое, мне позволили сохранить кое-какие воспоминания о бывшем муже. Ты же, напротив, упорно настаиваешь на том, чтобы продолжать борьбу. Тебе

известно, сколько раз ты уже Перерождался? Только потому, что Кай тебя любит, любило тебя, хотело спасти большинство твоих частей, каждый раз от тебя отрезали лишь самую малость.

Я не знаю, почему Кай так истово старалось спасти меня от меня самого, очистить от призраков. Возможно, у него в сознании сохранились слабые отголоски прошлого, о которых оно даже не подозревает, и эти отголоски влекут его ко мне, побуждают стремиться заставить меня поверить в ложь, чтобы оно само также в нее поверило. Простить – значит забыть.

– Но и его терпение кончилось. После этого раза ты больше ничего не будешь помнить о своей жизни, и потому своим преступлением ты обрек на смерть бóльшую часть себя, больше тех, кто, как ты утверждаешь, тебе дорог. Что хорошего в возмездии, которое ты ищешь, если никто и никогда о нем не вспомнит? Прошлое осталось позади, Джош. У ксенофобов нет будущего. Таунинцы пришли сюда, чтобы остаться навсегда.

Я киваю. Клэр говорит правду. Но из того, что это правда, еще не следует, что нужно прекратить бороться.

Я снова представляю себя на борту «Судного корабля». Представляю, как Кай радушно приветствует мое возвращение домой. Представляю наш первый поцелуй, невинный, чистый, – новое начало. Воспоминания об аромате цветов и специй.

Какая-то часть меня любит Кая, она видела его душу и жаждет его прикосновения. Другая часть меня хочет двигаться дальше, она верит в то, что предлагают таунинцы. И я-*необъединенный*, призрачный, переполнен жалостью к ним.

Я разворачиваюсь и бегу. Те двое, что стоят передо мной, терпеливо ждут. Бежать мне некуда.

Я нажимаю кнопку. Лорен дала мне это устройство при расставании.

Я мысленно представляю себе, как моя спина разрывается на миллион маленьких кусочков, за мгновение до того, как это происходит. Представляю, как все мои части, все атомы сияют хотя бы секунду сохранить свое взаимное расположение, создавая связную иллюзию.

Мысли и молитвы

ЭМИЛИ ФОРТ

Итак, вы хотите узнать про Хейли.

Нет, я уже привыкла к этому; по крайней мере, должна была бы привыкнуть. Все хотят услышать про мою сестру.

Это была унылая, дождливая пятница в конце октября, в воздухе висел запах опавшей листвы. Листья ниссы, обрамляющие поле для хоккея на траве, стали ярко-красными, превратившись в окровавленные следы, оставленные великаном.

Я готовилась к контрольной по французскому и собиралась закупить на неделю вегетарианских продуктов для нашей семьи из четырех человек. Около полудня пришло сообщение от Хейли из Калифорнии.

«Прогуляла уроки. Мы с Кью прямо сейчас едем на фестиваль!!!»

Я оставила его без внимания. Сестра получала наслаждение, подначивая меня рассказами о вольной жизни в колледже. Я завидовала, но скрывала это, чтобы не доставлять ей удовольствия.

Ближе к вечеру мне прислала сообщение мама.

«У тебя есть новости от Хейли?»

«Нет».

Сестринский кодекс молчания был священным. Хейли могла не опасаться, что я раскрою тайну о ее ухажере.

«Если будут, сразу же позвони мне».

Я убрала телефон. Мама у нас просто ракета.

Однако, когда я вернулась домой с хоккея, стало ясно – что-то стряслось. Перед крыльцом стояла мамина машина, а мама никогда не уходит с работы так рано.

В гостиной работал телевизор.

Лицо у мамы было пепельно-серым.

– Звонил куратор Хейли, – сдавленным голосом произнесла она. – Хейли сбежала с уроков и отправилась на какой-то музыкальный фестиваль. Там была стрельба.

Вечер прошел как в тумане: рос список погибших, ведущие новостных каналов выразительным тоном зачитывали заявления, выложенные стрелком в социальных сетях, снятые с квадрокоптера дрожащие кадры показывали объятых паникой людей, разбегающихся в разные стороны.

Надев очки, я бегло просмотрела виртуальное восстановление хода событий, в спешке подготовленное телекомпаниями. Кадры уже кишели аватарами со свечами, ведущими скорбное бдение. Подсвеченные контуры на земле показывали, где были обнаружены жертвы, а светящиеся дуги с быстро меняющимися цифрами изображали траектории пуль. Такое обилие информации – и так мало конкретных сведений.

Мы пытались звонить и отправляли сообщения. Ответа не было. «Должно быть, сел аккумулятор», – уверяли мы себя. Хейли вечно забывает заряжать телефон. Сеть наверняка перегружена звонками.

Нам позвонили в четыре утра. Никто в доме не спал.

– Да, это... Вы уверены? – Мамин голос оставался неестественно спокойным, словно ее жизнь... словно наши жизни не изменились навсегда. – Нет, мы прилетим сами. Спасибо.

Закончив разговор, мама повернулась к нам и сообщила страшную новость. После чего рухнула на диван и закрыла лицо руками.

Услышав странный звук, я оглянулась и впервые в жизни увидела, как плачет папа.

«Я упустила последний шанс сказать сестре, как люблю ее. Надо было ей ответить».

ГРЕГГ ФОРТ

Я не могу показать вам фотографии Хейли: у меня их просто нет. Не важно – у вас и так уже достаточно фотографий моей дочери.

В отличие от Эбигейл, я редко фотографировал и снимал видео, не говоря уж про голограммы с квадрокоптеров и погружения в виртуальную реальность. У меня нет чутья готовиться к непредвиденному, нет дисциплины документировать важные моменты в жизни, нет умения правильно строить кадр. Однако все эти причины – не главные.

Мой отец, фотограф-любитель, гордился тем, что сам проявлял пленку и печатал снимки. Если бы вы пролистали пыльные альбомы, хранящиеся на чердаке, вы бы увидели множество постановочных фотографий, на которых я и мои сестры натянуто улыбаемся в объектив. Приглядитесь к снимкам моей сестры Сары. Обратите внимание, как она все время чуть отворачивается от фотоаппарата – так, что ее правая щека не видна.

Когда Саре было пять лет, она взобралась на табурет и опрокинула на себя кастрюлю с кипящей водой. Отец должен был следить за ней, но он отвлекся, споря по телефону с коллегой. Когда все закончилось, у Сары остался след из ожогов от правой щеки до бедра, похожий на реку застывшей лавы.

Вы не найдете в этих альбомах записей о шумных скандалах с криками между моими родителями, неуклюжего молчания, наступавшего за столом всякий раз, когда мать натыкалась на слово «красивая», того, как отец избегал смотреть Саре в глаза.

На тех немногих фотографиях, где лицо Сары видно полностью, ожогов нет – они тщательно заретушированы. Отец просто делал это, а остальные пристыженно молчали.

Хоть я терпеть не могу фотографии и прочие семейные реликвии, от них никуда не деться. Их показывают сослуживцы и родственники, и тебе не остается ничего другого, кроме как разглядывать их и кивать. Я вижу, какие усилия предпринимают изготовители устройств для запечатления воспоминаний, для того чтобы результат их работы был лучше жизни. Краски более сочные, из теней проступают детали, фильтры помогают создать любое желаемое настроение. Тебе ничего не нужно делать: телефон выбирает кадр так, что можно вообразить путешествие во времени; мгновение выбирается идеальное – когда все улыбаются. Кожа разглаживается, поры и прочие мелкие дефекты стираются. То, на что у моего отца уходил целый день, сейчас делается в одно мгновение, и гораздо лучше.

Неужели те, кто делает такие фотографии, считает их действительностью? Или цифровые изображения заняли место действительности у них в памяти? Вспоминая запечатленный момент, они восстанавливают то, что видели, или то, что состряпал для них фотоаппарат?

ЭБИГЕЙЛ ФОРТ

Во время перелета в Калифорнию, пока Грегг дремал, а Эмили смотрела в иллюминатор, я надела очки и погрузилась в альбомы с фотографиями Хейли. Я никак не думала, что займусь этим до того, как стану дряхлой развалиной, не способной запоминать новые впечатления. Ярость должна была прийти позже. Горе не оставило места для других чувств.

Фотоаппаратом, телефоном, квадрокоптером с видеокамерой всегда заведовала я. Я составляла ежегодные альбомы, монтировала видео с лучшими моментами отпуска, делала анимационные рождественские карточки, суммирующие достижения семьи за прошедший год.

Грегг и девочки ублажали мою прихоть, порой неохотно. Я никогда не сомневалась в том, что рано или поздно они примут мою точку зрения.

– Фотографии очень важны, – не переставала повторять я. – Человеческий мозг полон изъянов, со временем он становится похож на решето. Без фотографий многое из того, что мы хотим помнить, было бы забыто.

Пролетая через всю страну, я всхлипывала, переживая заново жизнь своего старшего ребенка.

ГРЕГГ ФОРТ

В чем-то Эбигейл была права.

Часто, очень часто я жалел о том, что у меня нет образов, которые помогли бы мне вспомнить. Я не могу представить точные черты лица Хейли в шесть месяцев, не могу восстановить ее костюм на День всех святых, когда ей было пять лет. Я даже не помню, какого точно оттенка синего цвета было платье, в котором она ходила на школьный выпускной вечер.

И, если учесть то, что произошло позже, ее фотографии для меня недоступны.

Я утешаю себя вот какой мыслью: как фотография или видео может запечатлеть родственную близость, непередаваемую субъективную перспективу и настроение моих глаз, эмоциональное содержание каждого мгновения, когда я *чувствовал* невозможную красоту души своего ребенка? Я не хочу, чтобы цифровые изображения, эрзац-отражения электронного взгляда, многократно отфильтрованные искусственным интеллектом, портили то, что я помню о нашей дочери.

Когда я думаю о Хейли, мне на ум приходит цепочка разрозненных воспоминаний.

Малышка, впервые обхватившая своими пальчиками мой большой палец; крохотная девочка, ползущая на четвереньках по полу, раздвигая, подобно ледоколу, кубики с буквами алфавита; четырехлетняя девчушка, протягивающая мне пакет с одноразовыми носовыми платками, – я дрожу от озноба, а она кладет свою холодную ладошку на мой горячий лоб.

Восьмилетняя Хейли дергает за веревочку, запуская сделанную из бутылки с газировкой ракету. Пенистая вода обливает нас с ног до головы, а она со смехом кричит: «Я стану первой балериной, которая станцует на Марсе!»

Деятилетняя Хейли заявляет мне, что больше не хочет, чтобы я читал ей перед сном. Мое сердце стискивает боль неминуемого взросления ребенка, а она смягчает свой удар, добавляя: «Может быть, когда-нибудь я тебе почитаю».

Десятилетняя Хейли упорно стоит на своем, поддержанная сестрой, и строго отчитывает нас с Эбигейл: «Я не верну вам ваши телефоны до тех пор, пока вы не дадите письменное обязательство впредь не пользоваться ими во время обеда!»

Пятнадцатилетняя Хейли резко жмет на тормоза, вызывая самый громкий визг покрышек, какой я когда-либо слышал; я сижу рядом, до боли стиснув побелевшие кулаки. «Пап, у тебя такой вид, как у меня на том аттракционе». Голос тщательно модулированный, небрежный. Она выставила передо мной руку, словно могла меня защитить, точно так же, как делал я с ней сотни раз.

И так далее, и так далее – выжимки из шести тысяч восьмисот семидесяти четырех дней, которые мы прожили вместе, подобно сломанным светящимся ракушкам, оставшимся на берегу, после того как схлынула волна повседневной жизни.

Когда мы прилетели в Калифорнию, Эбигейл попросила меня взглянуть на тело – я не смог.

Наверное, кто-то может сказать, что нет никакой разницы между тем, как мой отец пытался стереть шрамы своих ошибок в фотолаборатории, и моим отказом взглянуть на тело ребенка, которого я не смог защитить. У меня в голове крутились тысячи «я мог бы»... Я мог бы настоять на том, чтобы Хейли поступила в колледж рядом с домом; я мог бы отправить ее на курсы выживания в чрезвычайной ситуации; я мог бы настоять на том, чтобы она постоянно носила бронежилет. Выросло целое поколение тех, кто знает, как себя вести в том случае, если убийца-одиночка откроет стрельбу, так почему же я не сделал больше? Наверное, я никогда не понимал своего отца, не сочувствовал его ущербному, трусливому сердцу, пропитанному насквозь чувством вины, – до гибели Хейли.

Но в конечном счете я не захотел смотреть на ее тело, потому что стремился сохранить единственное, что осталось от нее: свои воспоминания.

Если бы я увидел ее тело, зазубренный кратер выходного пулевого отверстия, застывшие лавовые потоки спекшейся крови, обугленные края разорванной одежды, этот образ неминуемо затмил бы все то, что было прежде, одним мощным взрывом сжег бы дотла воспоминания о моей дочери, моем ребенке, оставив после себя только ненависть и отчаяние. Нет, безжизненное тело не имело ничего общего с Хейли, с ребенком, которого я хотел помнить. Я не мог допустить, чтобы одно мгновение стерло все существование Хейли, как не мог допустить, чтобы какие-то транзисторы и микросхемы управляли моей памятью.

Поэтому Эбигейл подошла одна, подняла простыню и долго смотрела на изуродованное, безжизненное тело Хейли. И еще она сделала фотографии. «Это я тоже хочу запомнить, – пробормотала она. – Нельзя отворачиваться от своего ребенка в минуты его страданий, после того как ты не смог ему помочь».

ЭБИГЕЙЛ ФОРТ

Они подошли ко мне, когда мы еще были в Калифорнии.

Я онемела от боли. У меня в мыслях крутились вопросы, заданные тысячами уст. Почему этому человеку позволили собрать такой арсенал? Почему никто не остановил его, несмотря на все тревожные признаки? Что я могла сделать – должна была сделать – по-другому, чтобы спасти своего ребенка?

– Кое-что сделать вы можете, – сказали они мне. – Давайте будем работать вместе над тем, чтобы увековечить память Хейли и добиться реальных перемен.

Многие называли меня наивной или еще хуже. На что я надеялась? После того как я десятилетиями видела, как подобный сценарий завершается только мыслями и молитвами, с какой стати я вдруг решила, что сейчас все будет иначе? Воистину, это было самое настоящее безумие.

Возможно, кого-то цинизм делает неуязвимым и сильным. Но далеко не все такие. Во мраке горя человек готов ухватиться за самый слабый лучик надежды.

– Политика изжила свое, – говорили мне. – Кажется, чаша терпения переполнена: после смерти маленьких детей, после смерти молодоженов, после смерти матерей, пытавшихся защитить своих младенцев, – власти должны были бы что-то сделать. Однако этого так и не происходит. Логика и сила убеждения перестали быть действенными, поэтому мы должны разбудить чувства. Давайте сосредоточимся на истории Хейли, вместо того чтобы позволить средствам массовой информации направлять низменное любопытство широкой публики на личность убийцы.

Я робко пыталась возразить, что такое уже делали. Едва ли можно считать прием «поставить в центр жертву» нестандартным политическим ходом. Вы хотите сделать так, чтобы моя дочь перестала быть просто цифрой, статистикой, еще одной безликой фамилией в списке погибших. Вы полагаете, что, когда люди столкнутся с реальными, из плоти и крови, последствиями своей бездеятельности и нерешительности, что-то изменится. Однако в прошлом это не работало, и сейчас тоже не будет работать.

– Это не так, – настаивали они. – Мы предлагаем принципиально новый алгоритм.

Они попытались объяснить мне свой замысел, но я ничего не поняла в деталях машинного обучения, сверхточных нейронных сетях и моделях обратной связи в биологических объектах. Первоначально этот алгоритм возник в индустрии развлечений, где он сначала использовался для оценки фильмов и прогноза их кассовых сборов, а впоследствии стал применяться и в процессе их создания. Похожие методы используются в приложениях, которые занимаются всем, от дизайна продукции до составления речей политиков, – во всех областях, где большое место занимает эмоциональная составляющая. Чувства – это биологическое явление, а не

какие-то таинственные излучения, поэтому возможно исследование тенденций и образцов с целью определения стимулов, обладающих наибольшим воздействием. Алгоритм должен был создать визуальное повествование о жизни Хейли и превратить ее в таран, призванный разбить вдребезги затвердевшую оболочку цинизма, побудить зрителя к действию, устыдить его за благодушие и иждивенчество.

Я сказала, что эта идея кажется мне абсурдной. Ну как электроника может узнать мою дочь лучше меня? Как машина сможет расшевелить сердца, когда это не по силам реальным людям?

– Разве вы, – спросили они у меня, – не доверяете искусственному интеллекту фотоаппарата создать лучший снимок, когда делаете фотографию? Разве не предоставляете искусственному интеллекту выбрать самые интересные кадры и улучшить их с помощью нужных фильтров, создающих настроение, когда разбираетесь в том, что заснял беспилотник? То, что предлагаем мы, в миллион раз сильнее.

Я передала им семейные архивы: фото, видео, сканы, съемку с беспилотников, звукозаписи, иммерсионные программы. Я доверила им своего ребенка.

Я не кинокритик и не знакома с терминами для технических приемов, которые они использовали. Результат, рассказанный членами нашей семьи, предназначавшийся только друг для друга, а не для широкой аудитории посторонних людей, получился непохожим на все те фильмы и иммерсии в виртуальную реальность, которые я когда-либо видела. Сюжета нет, если не считать показ одной-единственной жизни; нет программы, если не обращать внимания на чистое любопытство, сострадание, стремление ребенка обнять вселенную, стать кем-то. Жизнь была замечательной, она любила и заслуживала быть любимой – до того мгновения, когда ее жизнь резко и жестоко оборвали.

«Хейли заслуживает, чтобы ее помнили именно так, – заливаясь слезами, подумала я. – Такой вижу ее я, и такой ее должны видеть все».

Я дала им свое благословение.

САРА ФОРТ

В детстве мы с Греггом не были особо близки. Для родителей было важно, чтобы наша семья внешне выглядела успешной, независимо от того, что было на самом деле. Как следствие, Грегг проникся недоверием ко всем формам внешнего представления, в то время как я стала просто одержима ими.

Если не считать поздравлений с праздниками, мы с ним, став взрослыми, практически не общались и уж точно не откровенничали друг с другом. Я знала своих племянниц исключительно по тому, что выкладывала в социальные сети Эбигейл.

Полагаю, этим я пытаюсь оправдать себя за то, что не вмешалась раньше.

Когда Хейли погибла в Калифорнии, я послала Греггу контакты психологов, специализирующихся на работе с жертвами террористических актов, однако сама сознательно осталась в стороне, считая, что мое вмешательство в эту годину скорби было бы неуместным, учитывая, что я показала себя плохой теткой и плохой сестрой. Поэтому меня не было там, когда Эбигейл согласилась посвятить память Хейли делу борьбы за контроль над оружием.

Хотя на страничке моей компании указано, что я занимаюсь изучением общения в интернете, основной объем анализируемых мною данных – это видео. Я разрабатываю защиту от тех, кто троллит в сетях.

ЭМИЛИ ФОРТ

Я много раз смотрела то видео про Хейли.

Избежать этого было невозможно. Есть иммерсионный вариант, в котором можно зайти в комнату Хейли и прочитать записи, сделанные ее аккуратным почерком, посмотреть вися-

щие на стенах плакаты. Есть низкокачественный вариант, предназначенный для ограниченных объемов данных, где размытая зернистая картинка изображает жизнь Хейли в старомодном, мечтательном ключе. Все пересылали друг другу это видео, подтверждая этим, что они хорошие, что они сочувствуют жертвам. Выделить, скопировать, добавить картинку с горящей свечой, отправить.

Воздействие было сильным. Я плакала много раз. Перед моими очками бесконечными поминками мелькали комментарии с выражением сочувствия и солидарности. Родственники жертв других терактов, окрыленные возрожденной надеждой, заявляли о своей поддержке.

Однако Хейли из того видео казалась мне совершенно незнакомым человеком. Вроде бы все детали были правдой, но выглядели они ложью.

Учителя и одноклассники любили Хейли, но была в классе одна девочка, которая при появлении моей сестры съезживалась. Однажды Хейли вернулась домой пьяная в стельку; в другой раз она стащила у меня деньги и врала, будто она ни при чем, до тех пор пока я не нашла их у нее в сумочке. Хейли умела манипулировать людьми и не стеснялась делать это. Она была преданной, мужественной и доброй, но могла также быть безалаберной, мелочной и жестокой. Я любила Хейли, потому что она была живым человеком, но девушка из фильма была чем-то большим – и в то же время чем-то меньшим.

Я держала свои эмоции при себе. Из чувства вины.

Мама неудержимо двигалась вперед, в то время как мы с папой держались сзади, оглушенные. Какое-то недолгое время казалось, будто ситуация в корне изменилась. Перед Капитолием и Белым домом собирались многотысячные митинги. Выступали ораторы, толпа скандировала имя Хейли. Маму пригласили на популярное ток-шоу. После того как средства массовой информации сообщили о том, что мама ушла с работы ради того, чтобы посвятить себя кампании, анонимный фонд начал сбор денег для нашей семьи.

А затем начался троллинг.

Поток писем на электронную почту, сообщения, грязная ругань в соцсети. Нас с мамой называли продажными шлюхами, наемными актрисами, наживающимися на горе. Незнакомые люди присылали нам длиннющие тексты, разъясняя все те моменты, где папа был неправ и вел себя не по-мужски.

Хейли жива-здорова, заверяли нас. На самом деле она живет на китайском острове Санья на те миллионы, которые ей заплатили ООН и ее приспешники в американском правительстве за то, чтобы она притворилась, будто ее убили. Ее приятель (который также «естественно, не погиб» при стрельбе), на самом деле по национальности китаец, и это можно расценивать как доказательство связи.

Видео с Хейли разбирали по кадрам с целью найти следы монтажа и цифрового редактирования. Цитировались анонимные одноклассники, называвшие ее хронической лгуньей, обманщицей, любительницей театральных эффектов.

По Сети начали распространяться короткие вырезки из видео, перемежающиеся «разоблачительными» вставками. Кто-то с помощью специальных программ состряпал видеоклипы, в которых Хейли проповедовала ненависть и цитировала Гитлера и Сталина, хихикая и маша рукой перед камерой.

Я удалила все свои аккаунты и не выходила из дома, не находя в себе сил встать с кровати. Родители меня не трогали – им самим приходилось вести тяжелые сражения.

САРА ФОРТ

За десятилетия цифровой эры искусство троллинга, эволюционируя, заполнило все ниши, раздвинув границы как технологий, так и приличий.

Со стороны я наблюдала за тем, как тролли роятся вокруг семьи моего брата, разобщенные, но объединенные бесцельной злобой, низменным злорадством.

Теории заговоров переплетались с откровенной фальшивкой, выдавая мемы, в которых сострадание выворачивалось наизнанку, глубокая боль превращалась в хохмочки.

«Мамочка, на пляжах в аду так жарко!»

«Мне нравятся эти новые дырки в моем теле!»

Поисковые системы в ответ на запрос имени Хейли начали выдавать ссылки на порно-сайты. Программы изучения предпочтений в интернете, управляемые искусственным интеллектом, откликнулись автоматически сгенерированными фильмами и иммерсиями в виртуальную реальность с участием моей племянницы. Алгоритмы брали имеющиеся в открытом доступе кадры с Хейли и гладко вплетали ее лицо, тело и голос в оголтелую порнуху.

Новостные средства массовой информации откликались на происходящее гневно (возможно, даже искренне). Эти публикации порождали новые поиски, что, в свою очередь, приводило к генерации нового контента.

Мой долг как исследователя – оставаться непредвзятой, изучать явление с клинической отрешенностью. Упрощенный подход заключается в том, чтобы считать троллей политически мотивированными – только не в том смысле, в каком этот термин используется обычно. Хотя ярые сторонники Второй поправки¹⁹ и способствовали распространению мемов, у самих авторов редко имелись вообще какие-либо политические взгляды. Пристанищем этих навозных жуков интернета являются всевозможные анархистские сайты, возникшие на волне войн по борьбе с инакомыслием прошедшего десятилетия. Получая наслаждение от нарушения запретов и беззакония, тролли не имеют общих интересов помимо того, чтобы говорить то, что нельзя говорить, издеваться над искренностью, играть с тем, что остальные считают запретным. Погрязнув в эпатажном и низком, они оскверняют и в то же время определяют установленные средствами массовой информации социальные связи общества.

Однако как человек я не могла спокойно смотреть на то, что делали с образом Хейли. Я связалась со своим братом.

– Давай я вам помогу.

Машинное обучение дало нам возможность предсказывать с достаточно большой точностью, кто станет жертвой нападок, ведь на самом деле тролли далеко не такие непредсказуемые, какими пытаются себя представить. Моя компания и другие крупные социальные медиаплатформы остро сознают, что им нужно аккуратно идти по узкой тропинке между регулированием пользовательского контента и холодной отрешенностью: именно этот показатель в наибольшей степени влияет на рыночную стоимость акций и тем самым является определяющим при принятии решений. Агрессивное вмешательство, особенно когда оно опирается на суждения, принимаемые человеком, подвергается критике со всех сторон, и всем компаниям приходится сталкиваться с обвинениями в цензуре. В конечном счете все подняли руки и отложили в сторону мудреные руководства по регулированию контента. У них нет ни умения, ни желания становиться арбитрами истины и порядочности для общества в целом. Как можно требовать от них решить проблему, с которой не могут справиться даже органы демократии?

Постепенно большинство компаний пришли к одному и тому же решению. Вместо того чтобы сосредоточиваться на оценке поведения ораторов, они потратили значительные силы на то, чтобы дать слушателям возможность самим ограждать себя. Алгоритмическое отделение законной (хотя и страстной) политической речи от целенаправленной травли *любого* человека является практически неразрешимой проблемой: контент, который одни провозглашают высказыванием правды властям предрежающим, другие осуждают как выходящий за рамки. Значительно проще построить для блокировки контента, который не хочет видеть *конкретный* пользователь, индивидуально настроенную нейросеть и обучить этому ее.

¹⁹ Вторая поправка к конституции США гарантирует права граждан на хранение и ношение оружия (*прим. пер.*).

Новые защитные нейросети, представляемые на рынке как «доспехи», отслеживают эмоциональную реакцию каждого пользователя на полученный контент. Способные действовать в областях текстовой, аудио- и видеоинформации, а также искусственной и виртуальной реальности, «доспехи» самообучаются распознавать контент, вызывающий у пользователя сильную негативную реакцию, и отсеивать его, оставляя лишь нейтральный фон. По мере широкого распространения смешанной реальности и иммерсии лучшим способом использования «доспехов» становится ношение очков дополненной реальности, фильтрующих все источники зрительного восприятия. Троллинг, подобно вирусам и «червям» в прошлом, является проблемой технической – и вот теперь мы можем предложить техническое решение.

Для того чтобы получить самую надежную защиту, максимально учитывающую особенности конкретного пользователя, необходимо платить деньги. Социальные сети, которые также настраивают свои «доспехи», утверждают, что это позволяет им уйти от контроля за контентом, снимает с повестки дня необходимость решать, что неприемлемо на площадях виртуальных городов, освобождает всех от колпака цензуры в духе Большого Брата. И то, что идеалы этого заявления в поддержку свободы слова совпадают со стремлением извлекать максимальную прибыль, является чем-то само собой разумеющимся.

Я отправила брату и его семье лучшие, самые совершенные «доспехи», какие только можно купить.

ЭБИГЕЙЛ ФОРТ

Представьте себя на моем месте. Тело вашей дочери с помощью цифровых технологий встроено в откровенную порнографию, ее голос произносит слова ненависти, ее облик искажен немыслимой жестокостью. И все это произошло по вашей вине, вследствие того что вы не отдавали себе отчета в том, каким порочным может быть человеческое сердце. Могли бы вы остановиться? Могли бы остаться в стороне?

«Доспехи» сдерживали самое ужасное, а я продолжала выкладывать посты, поднимая свой голос против неудержимого потока лжи.

Предположение о том, что Хейли якобы не умерла, что она актриса, участвовавшая в правительственном заговоре, направленном на запрещение оружия, казалось настолько нелепым, что вроде бы даже не заслуживало ответа. Однако после того как мои «доспехи» начали фильтровать новостные сайты, оставляя на страницах пустые места, я поняла, что ложь спровоцировала серьезный конфликт. Уважаемые журналисты стали требовать от меня отчеты о том, как я потратила собранные для нас деньги, – и это при том, что мы не получили ни цента! Весь мир сошел с ума.

Я выложила фотографии тела Хейли, полагая, что в этом мире осталась хоть толика порядочности. Определенно, никто не станет оспаривать такие наглядные доказательства?

Стало только хуже.

Для безликой оравы интернета это превратилось в игру: посмотреть, кому удастся преодолеть мои «доспехи», кто сможет вонзить мне в глаз отравленное видео, которое заставит меня вздрогнуть и отшатнуться.

Тролли присылали мне сообщения якобы от других родителей, потерявших своих детей при терактах, а когда я заносила их в «белый» список, выплескивали на меня мерзкие видео. Они присылали мне ролики, посвященные памяти Хейли, которые, после того как их пропускали «доспехи», трансформировались в отвратительное порно. Они собирали деньги и нанимали курьеров и квадрокоптеры службы доставки, чтобы расставлять рядом с нашим домом доверительные маркеры, окружая меня порожденными дополненной реальностью призраками Хейли, корчащимися, хихикающими, стонущими, кричащими, ругающимися, издевающимися.

Хуже всего то, что они оживили изображения окровавленного тела Хейли под аккомпанемент бойкой музыки. Ее смерть стала смешным трендом, подобно «Песенке Хомяка»²⁰ моей молодости.

ГРЕГГ ФОРТ

Порой я гадаю, правильно ли мы понимаем, что такое свобода. Мы ценим «свободу что-то делать» гораздо больше «свободы от чего-то». Люди должны иметь свободу владеть оружием, поэтому единственное решение в том, чтобы учить детей прятаться в шкафах и носить в ранцах пуленепробиваемые пластины. Люди должны иметь свободу говорить и выкладывать в интернет все, что им вздумается, поэтому единственное решение в том, чтобы посоветовать их жертвам надевать «доспехи».

Эбигейл просто решила делать так, а мы с Эмили просто последовали за ней. Слишком поздно я стал упрашивать, умолять ее остановиться, отступить. Мы могли бы продать наш дом и перебраться куда-нибудь подальше от соблазна схлестнуться в схватке с остальным человечеством, подальше от океана ненависти, в котором тонули.

Однако предложенные Сарой «доспехи» вселили в Эбигейл ложное ощущение безопасности, подтолкнули ее удвоить свои усилия в борьбе с троллями. «Я должна сражаться за свою дочь! – кричала она мне. – Я не могу допустить, чтобы ее память оскверняли!»

По мере того как тролли усиливали свой натиск, Сара присылала все новые и новые заплаты для «доспехов». Она добавляла такие слои, как «дополнительные средства борьбы», «самомодифицирующие распознаватели кодов» и «автовосстановители изображений».

Снова и снова «доспехи» держались какое-то недолгое время, после чего тролли находили способы их преодолеть. Свободный доступ к искусственному интеллекту означал, что им были известны все технологии, которыми пользовалась Сара, и у них имелись машины, которые также могли обучаться и настраиваться.

Эбигейл не желала меня слышать. Она оставалась глуха к моим мольбам; быть может, ее «доспехи» научились видеть во мне лишь еще один злобный голос, который нужно было заглушить.

ЭМИЛИ ФОРТ

Однажды мама в панике прибежала ко мне.

– Я не знаю, где она! Я ее не вижу!

Она не разговаривала со мной несколько дней, одержимая проектом, в который превратилась Хейли. Мне потребовалось какое-то время, чтобы понять, что она имела в виду. Я села вместе с ней за компьютер.

Мама ввела адрес мемориального видео Хейли, которое просматривала по несколько раз в день, чтобы набраться сил.

– Его там нет! – воскликнула она.

Мама открыла в облаке наш семейный архив.

– Где фотографии Хейли? – спросила она. – Вместо них одни крестики!

Мама показала мне свой телефон, свой планшет, внешний накопитель с резервными копиями.

– Нигде ничего нет! Ничего! Нас взломали хакеры? – Ее руки беспомощно трепетали перед грудью, словно крылья пойманной птицы. – Она просто исчезла!

Не говоря ни слова, я подошла к шкафу и достала альбом со старыми фотографиями. Раскрыв его, я нашла семейный снимок, на котором Хейли было десять лет, а мне – восемь.

Я показала его маме.

²⁰ «Песенка Хомяка Хэмптона» – один из первых интернет-мемов, созданный в 1998 году (прим. пер.).

Еще один сдавленный крик. Дрожащие мамины пальцы стучали по лицу Хейли на фотографии, ища то, чего там не было.

Я поняла. Мое сердце наполнилось болью, жалостью, поглотившей любовь. Я мягко сняла с мамино лица очки.

Она уставилась на фотографию.

– Ты ее нашла! – всхлипнув, стиснула меня в объятиях мама. – О, ты ее нашла!

Мне показалось, будто меня обнял чужой человек. Или это я сама стала для мамы чужой.

Тетя Сара объяснила, что тролли проводили свои атаки очень тщательно. Шаг за шагом они обучили «доспехи» моей матери воспринимать «Хейли» как источник горя.

Однако у нас дома произошло и другое обучение. Родители теперь обращали на меня внимание только тогда, когда я делала что-то, связанное с Хейли. Казалось, они больше не видели меня, будто стерта была именно я, а не сестра.

Моя скорбь стала черной, гнойной. Ну как я могла соперничать с призраком? С идеальной дочерью, которая была потеряна даже не один раз, а дважды? С жертвой, требующей постоянного покаяния? Мне было жутко от подобных мыслей, однако остановиться я не могла.

Мы тонули под чувством своей вины, каждый поодиночке.

ГРЕГГ ФОРТ

Я винил во всем Эбигейл. Мне стыдно это признать, но было именно так.

Мы кричали друг на друга и били посуду, воспроизводя полузабытые ссоры между моими родителями, когда я был маленьким. Терзаемые чудовищами, мы сами превращались в чудовищ.

Убийца отнял у Хейли жизнь, а Эбигейл принесла ее образ в жертву бездонному аппетиту интернета. Из-за Эбигейл мои воспоминания о Хейли навсегда будут пропущены через ужасы, последовавшие за ее гибелью. Она привела в действие машину, которую собрали отдельные человеческие существа в один огромный коллективный искаженный взгляд, машину, которая перехватила память о моей дочери и перемолола ее в непрестанный кошмар.

Сломанные ракушки на берегу блестя ядом бушующей пучины.

Конечно, это несправедливо, но все именно так.

«БЕССЕРДЕЧНЫЙ», САМОЗВАННЫЙ ТРОЛЛЬ

Я никак не могу доказать, что я тот, кем себя называю, или хотя бы что делаю то, о чем говорю. Не существует реестра троллей, по которому можно было бы проверить мою личность, нет статьи в «Википедии» со ссылкой на проверенные источники.

Вы можете быть уверены хотя бы в том, что я не троллю вас прямо сейчас?

Я не стану раскрывать вам свой пол, расу или то, с кем я предпочитаю спать, поскольку эти детали не имеют отношения к тому, что я сделал²¹. Может быть, у меня десяток пистолетов. Может быть, я рьяный борец за контроль над оружием.

Я взялся за Фортов, потому что они это заслужили.

У РИП-троллинга²² долгая и славная история, и нашей целью всегда была фальшь. Горе должно быть личным, сокровенным, скрытым. Разве вы не видите, как это ужасно, когда мать превращает свою погибшую дочь в символ, использует ее как политический инструмент? Жизнь у всех на виду – лживая жизнь. И каждый, кто встает на эту стезю, должен быть готов к последствиям.

²¹ В *англ.* яз. глагол не содержит указания на пол говорящего; в данном случае мужской род – условность (*прим. ред.*).

²² *РИП-троллинг*, от «*requiescat in pace*» – «покойся с миром» (*лат.* яз.), – наихудший вид троллинга, который сознательно направлен на усиление страданий скорбящих от утраты людей (*прим. пер.*).

Все те, кто посещал в интернете мемориал памяти этой девушки, кто присутствовал на виртуальных бдениях при свечах, приносил свои соболезнования, заявлял о том, что эта трагедия подтолкнула его к действиям, также виновны в лицемерии. Вы не задумывались об изобилии оружия, способного за одну минуту убить сотни человек, до того как вам в лицо не ткнули фото погибшей девушки? С вами что-то не так.

Ну а вы, журналисты, хуже всех. Вы зарабатываете деньги и получаете награды за то, что превращаете смерть в увлекательную историю, за то, что уговариваете оставшихся в живых всхлипывать перед объективами ваших камер, так как это привлекает рекламу, за то, что приглашаете своих читателей найти смысл в своей убогой жизни, смотря на чужие страдания. Мы, тролли, играем с образами мертвых, которым уже все равно, но вы, вонючие упыри, жиреете и богатеете, скармливая смерть живым. У ханжей самая грязная совесть: громче всех кричат о своих страданиях те, кто жаждет внимания.

Сейчас троллями являются все. Если вы хоть раз поставили «лайк» или переслали мем с пожеланиями плохого человеку, с которым никогда не встречались, если вы когда-либо находили возможным скалиться и брызгать ядом, потому что объект вашей злобы является «влиятельным», если вы хоть раз пытались заявить о своей добродетельности, примкнув к разъяренной толпе, если вы когда-либо заламывали руки и выражали озабоченность тем, что деньги, собранные для какой-то жертвы, следовало отдать какой-нибудь другой, менее «привилегированной», жертве, – я должен вас огорчить: вы тоже занимались троллингом.

Кто-то может сказать, что обилие тролльной риторики в нашей культуре действует разлагающе, что необходима защита, чтобы уравнивать силы сторон в конфликте, в котором есть только один способ победить – стать равнодушным. Но разве вы не видите, какой неэтичной является защита? Она заставляет слабого возомнить себя сильным, превращает труса в обманутого героя, не имеющего никакого интереса в происходящем. Если вы действительно презируете троллинг, вам давно уже следовало понять, что от «доспехов» становится только хуже.

Превратив свою горе в оружие, Эбигейл Форт сама стала троллем, но только у нее это получилось отвратительно – она оказалась слабаком в доспехах. И нам пришлось завалить ее; и, как следствие, всех вас.

ЭБИГЕЙЛ ФОРТ

Жизнь вернулась в нормальное русло. Продажи бронежилетов, рассчитанных на детей, резко возросли. Многие компании стали предлагать школам курсы выживания в чрезвычайных ситуациях с практическими занятиями. Жизнь продолжалась.

Я удалила все свои аккаунты; я замолчала. Но для нашей семьи уже было поздно. Эмили ушла из дома, как только у нее появилась возможность; Грегг снял себе квартиру.

Оставшись одна в своем доме, сняв с глаз «доспехи», я попыталась разобрать старые фотографии и видео Хейли.

Каждый раз, просматривая видео ее шестой годовщины, я слышала в голове порнографические стоны; каждый раз, глядя на фотографии со школьного выпускного вечера, я видела гротескную анимацию, в которой ее окровавленный труп танцевал под звуки «Девочки просто хотят повеселиться»; каждый раз, листая старые альбомы в надежде найти какие-нибудь хорошие воспоминания, я подпрыгивала в кресле, представив себе созданный искусственной реальностью призрак с лицом, искаженным, как на картине «Крик» Мунка²³, который готов был наброситься на меня, хихикая: «Мамочка, этот новый пирсинг болит!»

²³ Мунк, Эдвард (1863–1944) – норвежский живописец и график, один из первых представителей экспрессионизма; самым узнаваемым его образом стала картина «Крик» (прим. пер.).

Я кричала, я плакала, я искала помощи. Не помогали ни психологи, ни лекарства. Наконец в бессильной ярости я удалила все свои цифровые файлы, разорвала в клочья все фотографии, сломала висевшие на стенах рамки.

Тролли обучили меня – точно так же, как обучили мои «доспехи».

У меня больше нет ни одного изображения Хейли. Я не могу вспомнить, как она выглядела. Наконец я действительно полностью потеряла своего ребенка.

Ну разве можно меня простить после этого?

Византийское сострадание

Ты спешишь по раскисшей тропе мимо суетящейся толпы. Обилие народа вынуждает тебя проявлять ловкость, чтобы не сбавлять скорость. Когда твои глаза привыкают к предрасветным сумеркам, ты видишь, что все чем-то нагружены: к груди матери туго привязан младенец, сложенная в простыню одежда топорщится воздушным шаром за спиной мужчины средних лет, восьмилетняя девочка обхватила руками тазик с тропическими фруктами, старуха в спортивных шортах и мятой блузке использует в качестве фонарика здоровенный смартфон, молодая женщина в футболке с броской надписью по-английски «Счастливая девушка» тащит по грязи чемодан с отломанным колесиком, у старика в бейсболке, рекламирующего китайские сигареты, в руке болтается наволочка, заполненная книгами, а может быть, пачками денег...

Почти все в толпе ростом выше тебя, и именно так ты понимаешь, что ты ребенок. Посмотрев вниз, ты видишь на своих ногах желтые пластиковые шлепанцы, украшенные портретами диснеевской Белоснежки. Липкая грязь при каждом шаге грозит стащить их с ног, и ты гадаешь, быть может, они что-то для тебя значат – дом, безопасность, спокойную жизнь, полную фантазий, – и поэтому упорно не желаешь с ними расстаться.

В правой руке ты держишь тряпичную куклу в красном платье, расшитом незнакомыми буквами-закорючками. Ты сжимаешь куклу, и ощущения говорят тебе, что она набита чем-то легким и шуршащим (возможно, семенами). За левую руку тебя держит женщина с младенцем за спиной и свернутыми одеялами в другой руке. Ты думаешь, что твоя малышка-сестренка еще слишком маленькая, чтобы бояться. Она смотрит на тебя своими черными обожающими глазками, и ты улыбаешься, подбадривая ее. Ты сжимаешь руку матери, и она отвечает тебе тем же – рука у нее теплая.

По обеим сторонам от тропы ты видишь беспорядочно расставленные палатки; одни из них оранжевые, другие – голубые; они заполняют поле до самых джунглей, на полкилометра. Ты не можешь точно сказать, то ли одна из этих палаток была твоим домом, то ли вы просто проходите мимо.

Фоновой музыки нет, как нет и криков экзотических птиц Юго-Восточной Азии. Вместо этого твой слух заполнен взволнованными голосами и криками. Язык ты не понимаешь, однако напряжение в голосах говорит тебе, что это призывы к близким – не отставать, к друзьям – быть осторожными, к престарелым родственникам – не спотыкаться.

Над головой проносится пронзительный вой, и поле впереди и слева взмечается огненными взрывами, более яркими, чем рассвет. Земля вздрагивает; ты падаешь в скользкую грязь.

В воздухе опять звучат завывания, и новые снаряды взрываются вокруг, отчего у тебя трясутся кости. В ушах стоит звон. Мать подползает и накрывает тебя своим телом. Благословенная темнота отсекает хаос. Громкие, пронзительные крики, проникнутые ужасом. Наполненные болью стоны.

Ты пытаешься сесть, однако неподвижное тело матери прижимает тебя к земле. Ты напрягаешься, сдвигаешь ее тяжесть и выбираешься из-под нее.

Затылок матери превратился в кровавое месиво. Твоя малышка-сестра лежит на земле рядом и плачет. Повсюду вокруг люди мечутся в разные стороны, кто-то пытается захватить с собой свои пожитки, но брошенные тюки и чемоданы валяются по всему полю рядом с неподвижными телами. Со стороны лагеря доносится ворчание двигателей, и сквозь буйную колышущуюся растительность ты видишь колонну солдат в камуфляже, с оружием наготове.

Какая-то женщина указывает на солдат и кричит. Кто-то останавливается и поднимает руки.

Раздается выстрел, следом за ним другой.

Подобно опавшим листьям, гонимым порывом ветра, толпа бросается врассыпную. От ног пробегающих мимо людей грязь летит тебе в лицо.

Сестренка плачет еще громче. Ты кричишь «Стойте! Стойте!» – на своем языке. Ты пытаешься ползти к малышке, но кто-то спотыкается о тебя и падает, придавливая тебя к земле. Ты пытаешься руками защитить голову от бегущих ног и сворачиваешься в клубок. Кто-то перепрыгивает через тебя, другие пытаются, но неудачно, и больно ударяют тебя.

Новые выстрелы. Ты выглядываешь сквозь пальцы. Тут и там фигуры падают на землю. Пространства для маневра в бегущей толпе нет, и там, где упал один человек, тотчас же образуется целая куча упавших. Все толкают, пихают, стараясь поместить кого-нибудь – все равно кого – между собой и пулями.

Нога в облепленном грязью кроссовке резко опускается на твою спеленутую сестренку, ты слышишь леденящий душу хруст, и ее плач резко умолкает. Владелец кроссовки задерживается на мгновение, но затем неудержимая толпа увлекает его вперед, и ты теряешь его из вида.

Ты кричишь, но тут что-то с силой ударяет тебя под дых, и ты теряешь сознание.

Учащенно дыша, Тан Цзяньвень сорвала с себя гарнитуру. Трясущимися руками она растегнула молнию иммерсионного костюма. Ей удалось наполовину стянуть его с себя, но затем она полностью обессилела. Свернувшись в клубок, Цзяньвень лежала на столе, способном перемещаться во всех трех плоскостях. Следы от иммерсионного костюма на ее мокром от пота теле блестели темно-красными полосками в слабом белесом свечении компьютерного экрана – единственного источника света в темной квартире-студии. Какое-то время молодая женщина старалась отдышаться, затем начала всхлипывать.

Хотя глаза у Цзяньвень были закрыты, она по-прежнему видела мрачное выражение лиц солдат, кровавое месиво, в которое превратилась голова ее матери, изуродованное тело малышки, затоптанной насмерть.

Перед тем как надеть иммерсионный костюм, девушка отключила систему безопасности и удалила амплитудные фильтры из схем, отвечающих за боль, рассудив, что будет неправильно воссоздавать ужасы, выпавшие на долю беженцев из Муэртена, ограничив восприятие боли.

Аппарат виртуальной реальности предназначался для наиболее полного воспроизведения чувства сострадания. Ну разве можно сказать, что она побывала на месте этих несчастных, не испытав всего того, что довелось пережить им?

В щель между занавесками проникал свет ярких неоновых огней ночного Шанхая, рисующий на полу резкие, беспощадные радуги. Здесь переплетались виртуальное богатство и реальная алчность мира, безразличного к смерти и боли в джунглях Юго-Восточной Азии.

Цзяньвень порадовалась тому, что не смогла позволить себе еще и приставку, воздействующую на систему обоняния. Медный запах крови, смешанный с гарью пороховых газов, доконал бы ее раньше времени. Запахи воздействуют на самые потаенные глубины мозга, пробуждая первобытные чувства, подобно мотыге, которая разбивает онемевшие комья современности, открывая копошащееся розовое месиво раненых дождевых червей.

Наконец Цзяньвень встала, полностью стянула с себя иммерсионный костюм и заковыляла в ванную. Она вздрогнула, услышав гул воды в трубах, напомнивший шум приближающихся сквозь джунгли двигателей. Даже под горячими струями душа девушка поежилась от холода.

– Нужно что-то сделать, – пробормотала она. – Мы не можем этого допустить. Я не могу этого допустить.

Но что она могла сделать? Мир практически не обращал внимания на войну центрального правительства Мьянмы с повстанцами из числа представителей национальных меньшинств, проживающих у границы с Китаем. Соединенные Штаты – мировой жандарм – мол-

чали, так как хотели посадить в Нейпидо²⁴ проамериканское правительство, которое можно будет использовать как разменную фигуру в борьбе с растущим китайским влиянием в регионе. С другой стороны, Китай стремился переманить правительство в Нейпидо на свою сторону инвестициями и совместным бизнесом, и заострение внимания на убийстве бирманскими солдатами этнических хань (а по-простому китайцев) никак не вязалось с интересами «Большой игры». Сообщения о происходящем в Муэртъене подвергались строгой цензуре со стороны китайских властей, опасавшихся того, что сочувствие беженцам может перерасти в оголтелый национализм. Журналистов в лагеря беженцев по обе стороны границы не пускали, словно это была какая-то постыдная тайна. Свидетельства очевидцев, видеозаписи и вот этот файл виртуальной реальности приходилось тайно переправлять в зашифрованном виде через крошечные отверстия, проделанные в этом «Великом брандмауэре»²⁵. В то же время на Западе всеобщее равнодушие действовало эффективнее любой официальной цензуры.

Цзяньвень не могла организовывать манифестации и собирать подписи под петициями; она не могла основать благотворительный фонд, занимающийся проблемами беженцев, – хотя в Китае все равно не доверяли благотворительным фондам, считая их деятельностью мошенничества. Она не могла просить всех своих знакомых связаться со своими депутатами во Всекитайском собрании народных представителей, чтобы те предприняли какие-либо действия в отношении муэртъенцев. Получившая образование в Соединенных Штатах, Цзяньвень избавилась от наивной веры в то, что все эти пути, открытые для граждан демократических государств, являются такими уж эффективными, – по большей части они оставались не более чем символическими жестами, никак не влиявшими на мысли и поступки тех, кто в действительности определял международную политику. Но такие действия позволили бы ей по крайней мере *чувствовать*, что от нее хоть что-то зависит.

А ведь в способности *чувствовать* и состоит весь смысл того, чтобы быть человеком.

Старики в Пекине, жутко боящиеся малейшего посягательства на их власть и любой нестабильности, приложили все силы, чтобы сделать все это невозможным. Гражданам Китая постоянно напоминали о полной беспомощности человека, живущего в современном централизованном технократическом государстве.

Постепенно обжигающая вода начала вызывать у Цзяньвень неприятные ощущения. Девушка принялась с силой тереть себя, словно можно было избавиться от кошмарных воспоминаний о смерти, очистив себя от пота и отмерших клеток кожи, словно можно было смыть вину мылом с ароматом арбуза.

Цзяньвень вышла из душа, все еще оглушенная, но, по крайней мере, к ней снова вернулась способность действовать. В отфильтрованном воздухе квартиры чувствовался слабый запах горячего клея – следствие обилия электроники, втиснутой в ограниченное пространство. Завернувшись в полотенце, Цзяньвень прошлепала босиком в свою комнату и села перед экраном компьютера. Она ткнула пальцем в клавиатуру, пытаясь отвлечься свежими результатами своего майнинга²⁶.

Экран был просто огромным, с невероятно высоким разрешением, однако сам по себе он был лишь незначительным элементом бездушного оборудования, видимой вершиной мощного компьютерного айсберга, которым управляла Цзяньвень.

²⁴ Нейпидо – город, с 2005 года столица Мьянмы, бывш. Бирмы (прим. пер.).

²⁵ Непереводимая игра слов: *брандмауэр* (система, образующая границу между двумя сетями с целью защиты от несанкционированного проникновения) – по-английски дословно «пожарная стена»; отсюда отсылка к Великой Китайской стене (прим. пер.).

²⁶ Майнинг – деятельность по созданию новых структур для обеспечения функционирования криптовалютных платформ (прим. пер.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.